

Министерство образования и науки Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»
Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации
Кафедра межкультурной коммуникации,
риторики и русского языка как иностранного

**Формирование национального стереотипа: образ России в
русскоязычных польских СМИ**

Выпускная квалификационная работа
(магистерская диссертация)

Квалификационная работа
допущена к защите
Зав. кафедрой

дата

подпись

Исполнитель:

Дроздецкая Анастасия Георгиевна,
обучающийся МРИА-1501 группы

подпись

Руководитель ОПОП:

подпись

Научный руководитель:

Ворошилова Мария Борисовна,
кандидат филологических наук, до-
цент

подпись

Екатеринбург 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. СТЕРЕОТИП КАК ОСОБЕННОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ.....	9
1.1. Понятие стереотипа в научном дискурсе	9
1.2. Виды стереотипов.....	14
ГЛАВА 2. ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ.....	19
2.1. Исторические события как источник формирования национальных стереотипов.....	19
2.2. Фольклор и литература как источники формирования национальных стереотипов	27
2.3. Роль СМИ в формировании национальных стереотипов.....	36
ГЛАВА 3. НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ О РОССИИ И РУССКИХ В ПОЛЬСКИХ СМИ	44
3.1. Коммуникативные стратегии и тактики формирования национальных стереотипов о России и русских в польских СМИ	44
3.2. Стереотипный образ России и русских в национальном сознании поляков.....	70
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	82
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	85
ПРИЛОЖЕНИЕ 1.....	93
ПРИЛОЖЕНИЕ 2.....	96
ПРИЛОЖЕНИЕ 3.....	100
ПРИЛОЖЕНИЕ 4.....	103

Введение

Актуальность настоящего исследования определяется тем, что описание национальных стереотипов в последнее время стало весьма значимым в связи с расширением межнациональных контактов. Во многом именно от стереотипных представлений одного народа о другом зависит диалог между странами. Отсюда появляется необходимость в изучении путей формирования и воздействия национально-культурных представлений в процессе общения представителей разных культур и дальнейшего их закрепления в сознании той или иной нации. Существенную роль в формировании и закреплении таких стереотипов играют СМИ, т.к. воздействующая и манипулятивная функции являются для них основными. В свою очередь, проблема воздействия на сознание и эмоции посредством единиц языка и речи в современной науке вызывает интерес многих исследователей в области лингвистики (И. С. Шевченко, Е. Ф. Тарасов), философии (Н. В. Ушакова, О. Эрнст), социологии (Р. Белл Р, И. С. Кон). Это связано с усилением «информационной войны», которое явилось следствием напряженной военной ситуации в мире, с недопониманием между представителями разных наций в сфере внешней и внутренней политики, экономики, культуры. Выявление основных коммуникативных стратегий и тактик, используемых СМИ для описания другого народа, другой страны, поможет понять, какие стереотипы могут сформироваться в сознании представителей одной нации о другой, что позволит определить основные тенденции информационного воздействия на национальное сознание. Тщательный анализ используемых речевых стратегий и тактик позволит выявить причины возникновения проблем в межнациональном общении и помочь в достижении желаемого результата в ведении «информационной войны» путем применения коммуникативных стратегий и тактик, способствующих разрушению некоторых ложных отрицательных стереотипов. А это, в свою очередь, будет способствовать улучшению

диалога между представителями разных культур, снижению конфликтов между странами и снятию напряженности взаимодействия. Следует отметить, что в последние годы социальные, политические и экономические потрясения мирового масштаба привели к небывалой миграции народов, их переселению, расселению, столкновению, смешению, что, разумеется, приводит к конфликту культур. В такой обстановке главным условием эффективности общения наций является взаимопонимание, диалог культур, терпимость и уважение к культуре партнеров по коммуникации. В этом значительную роль могут сыграть положительные стереотипы о другом народе и их формирование в СМИ. Именно эту тенденцию следует развивать путем раскрытия положительных черт представителей другой нации и их закреплению в сознании данного народа.

Объект исследования – национальные стереотипы поляков о России и русских, формируемые русскоязычными польскими СМИ

Предметом исследования являются особенности текстовой реализации национальных стереотипов при описании образа России и русских в польских СМИ и способы их формирования

Цель – выявить, систематизировать и проанализировать национальные стереотипы поляков о России и русских, рассмотреть способы их формирования в СМИ

Эта цель обусловила постановку и решение **задач** исследования:

- 1) изучить теоретическую базу исследования;
- 2) определить объем понятия «стереотип»;
- 3) выделить основные виды стереотипов;
- 4) выявить обусловленность появления у польского народа стереотипов о России и русских историческими событиями, фольклором и литературными произведениями;
- 5) проанализировать основные стереотипы о России и русских, имеющие отражение в устном народном творчестве Польши и польской литературе;

6) выявить коммуникативные стратегии и тактики, используемые для формирования образа России и русских в русскоязычных польских СМИ;

7) охарактеризовать речевые стратегии и тактики как конкретные способы создания национального стереотипа;

8) рассмотреть результаты ассоциативного эксперимента и методики семантического дифференциала на выявление стереотипов о России и русских среди поляков.

Материалом исследования послужили статьи русскоязычных польских СМИ. Для нас представляли интерес наиболее цитируемые польские издания с массовыми тиражами: «Gazeta Wyborcza», «Радио Польша». Публикации отбирались с учетом года выпуска (2016 – 2017 гг.)

Методологическую базу исследования составили, во-первых, труды отечественных и зарубежных ученых, изучавших понятие «национального стереотипа» [А. К. Байбурин 1995, В. А. Маслова 2001, Ю. Е. Прохоров 2008, Т. Ф. Семашко 2012, А. В. Сергеева 2006, Е. Бартминьский 2005, А. Вежбицкая 2005, Н. Bausinger 2014, W. Lippman 2002, U. Quasthoff 1973 и др.].

Во-вторых, методологической основой исследования являются труды отечественных и зарубежных ученых, касающиеся механизмов воздействия и манипуляции [Г. С. Баранов 1997, Б. Л. Борисова, В. В. Красных 2002, М. В. Мануковский 2003, А. К. Михальская 2001, Е. А. Селиванова 2002, И. А. Стернин 2001, А. А. Филинсий, А. П. Чудинов 2001, A. S. Adelstein 1997, G. S Jowett 1992, W. H. Riker 2013, J. Rudinow 2006, O. T. Yokoyama 1990].

В-третьих, к методологическим основам исследования относятся труды из области лингвопрагматики, в частности, исследования коммуникативных стратегий и тактик [В. Е. Гольдин 2009, О. С. Иссерс 2012, Е. С. Попова 2005, Н. Б. Руженцева 2004, И. А. Стернин 2011] и др. Среди зарубежных авторов отметим таких исследователей, как Г. Грайс [Grice, 1975], Дж. Нильсен [Nielsen, 2000], Дж. Серль [Серль, 1986], П. Хилтон [Chilton, 2014].

Методы исследования, использованные в работе – лингвостилистический анализ, прагмалингвистический анализ, обобщение, систематизация, классификация, описание, ассоциативные эксперимент, метод измерения семантического дифференциала, а также общенаучные методы наблюдения, обобщения и сопоставления языковых фактов.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования полученных результатов при разработке лекционных и практических занятий по курсам «Межкультурная коммуникация», «Лингвокультурология», «Политическая лингвистика», «Культурология», «Этнолингвистика», а также при написании курсовых и выпускных квалификационных работ студентами, специализирующимися в сфере филологии.

Научная новизна исследования состоит в том, что национальные стереотипы поляков о России и русских, а также основные коммуникативные стратегии и тактики, реализуемые в русскоязычных польских СМИ при описании образа России и русского народа, охарактеризованы на новом, ранее не используемом материале. Нами были проанализированы статьи из ежедневной польской газеты общественно-политической направленности – *Gazeta Wyborcza* за 2016 – 2017 гг., а также материалы, опубликованные на сайте государственной радиокomпании «Польское радио» за 2017 год.

Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении специфических закономерностей речевого воздействия в русскоязычных польских статьях о России и русских, а также в выявлении национальных стереотипов поляков о русских, сформированных посредством ряда основных и вспомогательных стратегий и тактик.

Апробация материалов исследования. Основные положения выпускной квалификационной работы отражены в докладах на международных и региональных конференциях: на международной конференции «Актуальные проблемы филологии» (Екатеринбург, 2015), на международной научной конференции «Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления (Екате-

ринбург, 2015), на международной конференции «Актуальные проблемы филологии» (Екатеринбург, 2017). Результаты работы изложены и опубликованы в статьях и тезисах:

1. Дроздецкая, А. Г. Стереотипы русских о поляках / А. Г. Дроздецкая // Молодежь в науке и образовании: проблемы и перспективы развития. Тезисы IV Международной научно-практической конференции. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2014. – С. 21-23.
2. Дроздецкая, А. Г. События в Катыни глазами поляков / А. Г. Дроздецкая // Человек в мире культуры. Региональные культурологические исследования. № 4 (12). / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2014. – С. 84-87.
3. Дроздецкая, А. Г. Стереотипный образ русского в сознании польской молодежи / А. Г. Дроздецкая // Актуальные проблемы филологии: материалы международной научно-практической конференции молодых учёных, 23 апреля 2015 г. Выпуск 11. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2015. – С. 16-33.
4. Ворошилова, М. Б., Дроздецкая, А. Г. Поляк живет в Польше: стереотипный образ поляка в сознании русской молодежи / М. Б. Ворошилова, А. Г. Дроздецкая // Лингвокультурология. Научное издание. Выпуск 9. / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2015. – С. 54-67.
5. Ворошилова М. Б., Дроздецкая А. Г. Путин, Анна Каренина, Катынь: стереотипный образ русского в сознании польской молодежи / М. Б. Ворошилова, А. Г. Дроздецкая // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления. Материалы Международной научной конференции 27 ноября 2015 г./ Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2015. – С. 51-59.
6. Ворошилова М. Б., Дроздецкая А. Г. Образ русского в сознании польского человека / М. Б. Ворошилова, А. Г. Дроздецкая // Лин-

гвокультурология. Научное издание. Выпуск 10. / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2016 – С. 63-72.

Структура работы определяется ее задачами и отражает основные этапы и логику развития исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографии.

В первой главе **«Стереотип как особенность национального сознания»** рассмотрено понятие стереотипа в современном научном дискурсе, выделены два основных направления в развитии понятия «социальный стереотип», описаны основные когнитивных функции стереотипов и виды стереотипов.

Во второй главе **«Источники формирования национальных стереотипов»** дан исторический обзор последовательного формирования стереотипов поляков о России и русских, а также проведен анализ языкового материала в виде польских поговорок, пословиц, анекдотов, произведений поэзии и прозы, в которых отражены национальные стереотипы о России и о русском народе.

В третьей главе **«Национальные стереотипы о России и русских в польских СМИ»** проведен анализ статей русскоязычной польской прессы с целью определения в них стереотипов о России и русских, рассмотрены коммуникативные стратегии и тактики, используемые СМИ при описании образа России и русских, приведены результаты ассоциативного эксперимента и методики семантического дифференциала, проведенных среди поляков с целью выявления современных стереотипов о России и русских, формируемых польскими СМИ.

Библиография включает 94 работы.

ГЛАВА 1. СТЕРЕОТИП КАК ОСОБЕННОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ

1.1. Понятие стереотипа в научном дискурсе

Понятие «стереотипа» в работах социологов, психологов, этнографов, этнопсихолингвистов и лингвистов можно отнести как к числу наиболее часто используемых, так и наиболее дискуссионных.

Первым начал использовать в социологии понятие «социальный стереотип» У. Липпман – по его мнению, это упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных социальных объектов и защищают его ценностные позиции и права [Липпман 2004: 137]. Примечательно, что уже в таком общем определении социального стереотипа выделяются такие его составляющие, как культурологическая («детерминированные культурой») и психологическая («экономят усилия»).

Прохоров Ю. Е. в работе «Национальные социокультурные стереотипы речевого поведения» проводит анализ этнокультурных особенностей общения, социального статуса личности как прагмалингвистической основы коммуникации, национально-культурной специфики организации речевого общения, которые позволили выделить такое явление, как стереотипизацию содержания и структуры общения. По мнению Прохорова Ю. Е. в основе стереотипизации, с одной стороны, «лежит потребность самосознания, самоидентификации представителей определенной этнокультуры и выработки восприятия явлений другой этнокультуры, а с другой стороны, – реальная потребность упорядочения, упрощения организации общения в стандартных для деятельности данного этноса условиях» [Прохоров 2008: 70]. Он говорит о том, что формирование и трансляция стереотипов общения связана с социализацией личности и определяет ее место, как представителя данной культуры.

Также Ю. Е. Прохоров выделяет два основных направления в развитии понятия «социальный стереотип»:

1. Социальный стереотип как этнический предрассудок, т.е. анализ функционирования негативного образа по отношению к иному этносу. Подобную точку зрения можно встретить в работах Т. ван Дейка о когнитивных моделях этнических ситуаций.

2. Проявление социального стереотипа на индивидуальном и групповом уровнях как отражения «я-образа» и «мы-образа». Это направление находит отражение в работах Г. Тажфела, В. Дуаза, В. Г. Самнера. Можно сказать, что на «социальную идентификацию и перцепцию накладывается и принадлежность личности к определенной социоэтнической страте, профессиональной группе, конфессиональной среде, возрастной категории и т.д.» [Прохоров 2008: 71].

Маслова В. А. в учебнике «Лингвокультурология» рассматривает стереотип как явление культурного пространства. Она пишет, что стереотип – «это некоторый фрагмент концептуальной картины мира, ментальная «картинка», устойчивое культурно-национальное представление о предмете или ситуации» [Маслова 2001: 110]. По ее мнению, стереотип – культурно-детерминированное представление о предмете, явлении, ситуации, при этом не только ментальный образ, но и его вербальная оболочка. Наличие базового стереотипного ядра знаний определяет принадлежность к конкретной культуре, поэтому стереотипы считаются преценетными (важными, представительными) именами в культуре. Стереотип – это «такое явление языка и речи, такой стабилизирующий фактор, который позволяет, с одной стороны, хранить и трансформировать некоторые доминантные составляющие данной культуры, а с другой – проявить себя среди «своих» и одновременно опознать «своего» [Маслова 2001: 110] .

Также Маслова В. А. выделяет три основные когнитивных функции стереотипов:

- функцию схематизации и упрощения;

- функцию формирования групповой идеологии;
- функцию хранения идеологии.

Она подчеркивает, что эти стереотипы являются навязанными нам культурой и, как правило, не воспринимаются носителями другой культуры. Т.е. культурные стереотипы не являются проявлением личности человека, но характеризуют группу лиц, объединенных общей культурой. Отсюда можно сделать вывод, что устойчивость культуры, ее жизнеспособность обусловлены тем, насколько развиты структуры, определяющие ее единство, целостность. Целостность культуры предполагает выработку стереотипов культуры – стереотипов целеполагания, поведения, восприятия, понимания, общения и др., т.е. стереотипов общей картины мира.

А. К. Байбурин на конференции, посвященной речевым и ментальным стереотипам в синхронии и диахронии, в своем докладе «К проблеме стереотипизации поведения» проводит интересную параллель между стереотипами животных и людей. Он пишет об обращенности стереотипов на систему внутренних связей. Схожесть реакций на различные внешние импульсы позволяет животным отделить «своих» от «чужих». Те же функции выполняют стереотипы в человеческом сообществе.

Говоря о стереотипах социального поведения, А. К. Байбурин указывает на «эффект противостояния внутренней и внешней точек зрения» [Байбурин 1995: 2]. С внутренней точки зрения стереотипы не замечаются, не являются чем-то особенным, скорее наоборот относятся к естественному ходу вещей. С внешней же точки зрения (например, с позиции иностранца) подобные обычаи являются наиболее яркой характеристикой другой нации.

Семашко Т. Ф. в статье «Стереотип как фрагмент языковой картины мира» говорит о новом направлении в изучении языка во взаимосвязи с такими науками как история, этногенез, общество, культура, национальная психология и т.д. При таком подходе предметом лингвистической науки становятся национальные особенности, которые находят свое отражение в языке той или иной нации. Такая связь языка и культуры обусловила изучение язы-

ковых явлений на фоне широкого экстралингвистического контекста. Каждый народ по-своему членит мир, имеет свои особенные представления об окружающем мире, о себе, о представителях других наций, других культур. Таким образом, каждый народ формирует свои стереотипные представления относительно окружающей его действительности. При этом познание окружающего происходит при помощи процессов категоризации объектов, в ходе чего и создаются стереотипы. По мнению Семашко Т. Ф. стереотипы навязываются человеку культурой его этноса, т. е. у каждого представителя какой-либо культуры есть определенный базовый набор стереотипов, усвоенных им еще в детстве, независящих от самого человека.

В своей работе она дает следующее определение стереотипа: «Стереотип – устойчивый фрагмент картины мира, существующий в массовом сознании. Это определенный образ представления, ментальная картинка, определенное постоянное, минимизировано-инвариантное, обусловленное национально-культурной спецификой представление о предмете или ситуации; некий устойчивый образ, детерминированный культурой посредством установки, который входит в систему мировидения человека как ее элемент и упорядочивает процесс восприятия действительности» [Семашко: 2014]. Т.е. в этом определении Семашко Т. Ф. выделяет следующие особенности стереотипа:

- Устойчивость. Национальные стереотипы достаточно стабильная категория, они извлекаются из сознания как некий уже готовый, сформировавшийся образ.
- Массовость. Носителем стереотипа является не один человек, а определенная группа лиц, этническое сообщество, представители одной нации.
- Тесная связь с ментальностью. Национальные стереотипы отражают определенный образ мышления, взгляд на окружающую действительность определенного этноса. Стереотипы связаны с социально-

психологическими установками, душевным состоянием определенной группы.

- **Постоянность.** Стереотипные представления одного народа о другом народе, как правило, остаются неизменными. Также от них весьма трудно, можно даже сказать, невозможно избавиться.

- **Обусловленность** национально-культурной спецификой. Национальные стереотипы появляются вследствие особого представления народа о мире, о самих себе, о «чужих», об окружающей действительности. И все эти образы, представления обусловлены именно культурой данной нации.

Таким образом, Семашко Т. Ф. отражает данным определением наиболее важные для понимания этого явления особенности стереотипа.

Ежи Бартминьский в своей книге «Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике» говорит о том, что сам процесс стереотипизации неотделим от сущности естественного языка. В связи с этим он включает в объем понятия «стереотипизация» помимо этнических, профессиональных и региональных групп также социальные ситуации, типы поведения, элементы окружения человека (в том числе растения и животных), словом, все, что человек познает и осваивает, создавая себе определенную модель мира. «Эта модель мира – не отражение действительности, а ее интерпретация и проекция, она включает как описательные моменты, так и эмотивные, и аксиологические <...> Она выводится из семантики слов» [Бартминьский 2005: 160].

Е. Бартминьский рассматривает узкое и широкое понимание значение слова «стереотип». При узком понимании «стереотип» трактуется как «некоторое приращение значения, эмотивная коннотация» [Бартминьский 2005: 162]. При широком понимании значения происходит сближение, а иногда и отождествление описания значения с описанием стереотипа. При таком подходе стирается граница между признаками основными и дополнительными. В связи с этим возникает вопрос: насколько совпадают языковое значение и стереотип? При ответе на него следует учитывать, по мнению Е. Бартминь-

ского, тот факт, что используя понятие «стереотип», мы выбираем «наиболее полное представление смыслового содержания слова, стараемся уловить связь значения с говорящим субъектом < ... > подчеркиваем субъективность категоризации и прагматические функции знака» [Бартминьский 2005: 163]. Таким образом, заключенная в значении интерпретация предмета передает определенный способ восприятия мира субъектом, реализуется в рамках некоей познавательной модели вместе со всем, что включается в эту модель.

В данном случае важно отметить, что Е. Бартминьский подчеркивает связь стереотипа и языка (слова), при этом разделяя их значение, содержание и объем, а также связывает понятие «стереотипа» с определенным субъектом, его мировидением, точкой зрения и взглядом на окружающую действительность.

Таким образом, несмотря на некоторые различия в определении понятия «стереотип», большинство исследователей отмечают такие характеристики, как устойчивость, массовость, обусловленность национально-культурной спецификой и ментальностью

1.2. Виды стереотипов

Феномен «стереотипа» рассматривается в работах ученых различных направлений. В связи с этим можно выделить:

- социальные стереотипы (упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и чрезвычайно устойчивый образ какой-либо социальной группы или общности, с легкостью распространяемый на всех ее представителей);
- ментальные стереотипы (связанные с мыслительными процессами);
- культурные стереотипы (представление, отражающее обыденный уровень концептуализации культурной специфики);
- этнические стереотипы (обобщенное представление о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ);

- стереотипы общения и т.д.

Представители каждой из наук, исследующие «стереотип» выделяют те его свойства, которые они замечают с позиций своей области исследования. В связи с этим и возникает такая классификация.

Существует два вида этнокультурных стереотипов: автостереотипы и гетеростереотипы. Автостереотипы отражают то, что думают люди сами о себе. Обычно автостереотипы содержат комплекс положительных оценок. И есть гетеростереотипы, относящиеся к другому народу. В отличие от автостереотипов, гетеростереотипы могут быть как положительными, так и отрицательными, в зависимости от исторического опыта взаимодействия данных народов. Автостереотипы и гетеростереотипы не автономные единицы, а являются структурно взаимосвязанными компонентами целостного образования личностного или группового самосознания. Различия между двумя этими явлениями отражают уровень взаимопонимания между народами и степень их психологической тождественности.

По критерию эмоциональной оценки выделяются положительные и отрицательные стереотипы.

Положительные стереотипы – это утверждающие, положительные суждения и оценки тех или иных черт этнической группы или этноса в целом. Отрицательные стереотипы, наоборот, утверждают, что определенная этническая группа обладает некоторыми отрицательными чертами и способна на нежелательные, вредные действия.

Н. В. Уфимцева выделяет этнические стереотипы и культурные стереотипы: этнические стереотипы недоступны саморефлексии «наивного» члена этноса и являются фактами поведения и коллективного бессознательного, им невозможно специально обучать, а культурные стереотипы доступны саморефлексии и являются фактами поведения, индивидуального бессознательного и сознания, им можно обучать [Уфимцева 2011: 214].

В.В. Красных делит стереотипы на два вида – стереотипы-образы и стереотипы-ситуации. Примеры стереотипов-образов: пчела – труженица,

баран – упрямый, а стереотипов-ситуаций: билет – компостер, аист – капуста. Стереотип-ситуация – это вид лингвоментального стереотипа, основанный на устойчивом упрощенном типизированном представлении о какой-либо ситуации в воссоздаваемой или творимой художественной действительности. Ментальное представление, лежащее в основе стереотипа-ситуации, формируется устойчивой совокупностью наиболее типичных, предсказуемых ассоциаций и пропозициональных связей, которая фиксирует образ данной ситуации. А стереотипы-образы – это устойчивые представления, связанные с конкретным предметом, существом, его яркая характеристика [Красных 2002: 46].

Агеев В. С. говорит о том, что существуют еще две категории стереотипов: поверхностные и глубинные.

Поверхностные стереотипы – это те представления о том или ином народе, которые обусловлены исторической, международной, внутривнутриполитической ситуацией или другими временными факторами. Эти стереотипы меняются в зависимости от ситуации в мире и обществе. Продолжительность их бытования зависит от общей стабильности общества. Это, как правило, образы-представления, связанные с конкретными историческими реалиями. Поверхностные стереотипы представляют несомненный интерес, прежде всего для историков, а также для всех, кто интересуется социально-политическими процессами, происходящими в обществе.

В отличие от поверхностных, *глубинные стереотипы* неизменны. Они не меняются в течение времени. Глубинные стереотипы обладают удивительной устойчивостью, и именно они представляют наибольший интерес для исследователя особенностей национального характера: сами стереотипы дают материал для изучения того народа, который является объектом стереотипизации, а оценки характеризуют особенности той группы, в которой они распространены [Агеев 1989: 17].

Ежи Бартминьский классифицирует стереотипы на основе модификатора «настоящий», входящего в структуру стереотипа. Исходя из этого, он

выделяет в первую очередь образы и образцы. Черты, которые создают образ, понимаются им как черты реальные и в определенной степени сложившиеся в рамках модальности «такой, как есть». Например, «настоящий студент занимается только перед экзаменом». В данном случае слово «настоящий» можно заменить словом «типичный», «нормальный», «обычный» [Бартминьский 2005: 168].

Черты, которые создают образец, понимаются как необходимые для предмета с точки зрения норм, признаваемых говорящим, и могут быть объединены в формуле «такой, какой должен быть». Например, «настоящая добродетель критики не боится».

Следующая группа культурно-языковых представлений связано с мифологическими существами. Они могут быть определены следующей метатекстовой формулой: «такой, какой может быть». В данном случае само существование таких персонажей (например, гномы, ведьмы, лешии и т.д.) имеет смысл только применительно к определенным сферам действительности и видам высказываний. Стереотипы такого рода Е. Бартминьский назвал мифологическими представлениями.

Четвертый вид стереотипов – идеологические. Это такие культурно-языковые представления о социальных ситуациях и явлениях, установках и поведении человека (например, революция, прогресс, красота, любовь и т.д.), которые подлежат конвенционализации в общественном сознании и функционируют над сферой прямой предикативной модальности. Их относят к ситуациям возможным и в то же время желательным. Определяются они такой модальной формулой «такой, какой может быть и должен быть».

Таким образом, можно сделать следующие выводы: сам термин «стереотип» применяется в различных научных сферах: социологии, психологии, культурологи, этнологии и т.д. Ученые по-разному дают определение данного понятия и по-разному определяют объем входящих в него компонентов. Но, так или иначе, практически все выделяют тесную связь «стереотипа» с культурой данного народа (а точнее – обусловленность, навязывание культу-

рой «стереотипа»), его массовость, обусловленность ментальностью той или иной нации, устойчивость, и относят стереотип к языковой картине мира. Также отмечается такая функция, как экономия усилия восприятия социального объекта и потребность идентификации «свой» – «чужой». При этом выделяются разные виды классификаций, в зависимости от положенного в основу принципа. Например, по эмоциональной оценке, по характеру устойчивости стереотипа в сознании представителей данного народа, на основе модификатора «настоящий» и т.д.

ГЛАВА 2. ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

2.1. Исторические события как источник формирования национальных стереотипов

Усвоение человеком стереотипов происходит различными путями. Они усваиваются в процессе социализации и инкультурации. Также стереотипы формируются в процессе общения с теми людьми, с которыми чаще всего приходится сталкиваться – родители, друзья, сверстники, учителя и т.д. Большую роль играют и личные контакты. Особое место в образовании стереотипов занимают средства массовой информации.

Первоисточниками национальных стереотипов чаще всего являются исторические события. В дальнейшем эти стереотипы находят отражение в фольклоре и литературе народа и тем самым окончательно закрепляются в сознании большинства представителей нации. Так, С. Фалькович в своей статье «Восприятие русскими польского национального характера и создание национального стереотипа поляка» отмечает, что важными факторами развития национального стереотипа являются сами исторические судьбы народов, их переплетение, степень их родства, соседство, взаимоотношения на протяжении веков [Фалькович 2000: 46]. Особенно сильно влияют на этот процесс войны и соперничество народов, завоевания и захваты, национальный гнет и национально-освободительное движение, взаимодействие различных социальных систем, экономическое и культурное сотрудничество, идейное и культурное взаимовлияние, совместная борьба против общего врага и пр. Все это было характерно для взаимоотношений поляков и русских и повлияло на формирование их представлений друг о друге. С. Фалькович выделяет следующие периоды в истории, повлиявшие на возникновение национальных стереотипов:

- XVI-XVII вв. Это были геополитическое соперничество, войны, религиозная отчужденность;
- XVIII-XIX вв. – участие России в разделах Польши, угнетение польского народа царизмом, национально-освободительная борьба поляков и революционное движение в России;
- XX в. – создание Советского и Польского государств с различным социальным строем, войны 1920 и 1939 гг., сталинские репрессии, совместная борьба против фашизма, участие ПНР в блоке социалистических государств и распад социалистической системы, развал СССР и создание демократической России на новой политической и экономической платформе [Фалькович 2000: 46-47].

Эта тема не раз затрагивалась в историко-культурных исследованиях, научных и публицистических работах. История стереотипа русского в польском сознании насчитывает около пяти столетий. До этого его не выделяли из древнерусской общности, а стереотип древнего русина создавался на примере украинцев. Русином сначала был для них галичанин, а потом им стал киевлянин. Остальная территория средневековому поляку была неизвестна.

Только к концу XIV века, после заключения союза Польши с Литвой, стали отличать русинов, оставшихся вне владений Гедиминовичей-Ягеллонов, от тех, вместе с которыми создавалось общее государство, названное Речью Посполитой. В этот период и начал формироваться стереотип «rosjanina». Само это слово появилось в польском языке в XVIII в. Название народа образовано от названия государства. Его владельцы носили титул сначала великих князей, затем царей московских. Из-за этого их подданных стали именовать «Moskwicini» или «Moskale». В то время данные названия не имели уничижительной отрицательной окраски, возникшей в XVIII в. и особенно в XIX в.

В XVI в. на характер стереотипа москвитянина оказывало большое влияние то, что контакты поляков с Россией были в большей степени воен-

ными. Торговые пути Польшу и Москву не соединяли, путешествовали тоже мало. Ситуация коренным образом изменилась лишь в XIII в.

Дальше стереотип формировался по мере развития драматической истории взаимоотношений народов. Но, конечно, существовали в этом стереотипе и постоянные составляющие. Например, противопоставление свободных поляков и невольных русских, польского безвластия и российского деспотизма. История, связанная с именами таких правителей, как Иван Грозный, Николай I, И. В. Сталин подтверждали и закрепляли в польском менталитете стереотип покорного, терпеливо сносящего все притеснения и произвол власти русского.

То, что могло бы разрушить подобный образ (например, устройство Великого Новгорода, восстание декабристов, деятельность конституционных демократов, события 1917 г), оказывалось неким отдельным эпизодом, не закрепившемся в сознании поляков.

В течение пяти веков существования стереотипа поляки были убеждены в том, что русский прирожден терпеть несвободу и притеснения со стороны властей. Данный стереотип ярко показан во многих произведениях: в «Записках о московской войне» Рейнгольда Гейденштейна, в «Походе на Москву» и XIII Песне из «Вторых Книг» Яна Кохановского, в которой автор противопоставляет человечному и дружелюбному по отношению к своим подданным польскому королю Ивана Грозного – надменного «тирана северного края».

Сама же жестокость, наблюдавшаяся в устройстве государства Московской Руси, в традициях и обычаях ее жителей, считалась следствием такого фактора как климат. Россия для поляка XVI и XVII вв. была связана исключительно с Севером, с его продолжительными зимами, холодными ветрами, жестокими морозами, плохо поддающейся обработке земле. По их мнению, подобные климатические условия и породили суровость нравов русских. Этот стереотип нашел отражение и в польской литературе. Вот как

Самуэль Твардовский из Скшипны в своей поэме «Владислав IV» в середине XVII в. характеризует русских:

Есть на Севере народ огромный, живущий просторно,
Его не ограничивает, кажется,
Даже ледовитое море, там утренние зори
Поздно восходят, а дальше земли безлюдные.
Посмотришь на его лицо: непривлекательное и грубое.
Старый это, однако, народ, который больше известен
Своей жестокостью, чем другие народы, и живет на своей земле
Испокон века, и имеет сильную армию.
Где-то после потопа спрятал он свои семьи
В глубокую тень и далекие жилища.
И без сомнения, живя в таком уединении
От мира, где и сам Аквилон их защищает,
В вечном холоде, окруженный со всех сторон
Сарматскими необъятными чащами, которым, наверное, и не снились
Никогда римские секиры, боевая готовность
Персидских монархий и Александров.
Но живя от века в этой своей грубости, по сравнению
С европейскими странами, свое устройство и свои обычаи,
И имя свое, и принятую с Востока веру
Сохранили до сих пор.

Последующие исторические события позволили полякам хорошо узнать своих соседей. Речь идет о «Смуте». Тысячи граждан Речи Посполитой находились тогда в государстве Московском. Они составляли значительную часть армий самозванцев, воевали за продвижение королевича Владислава на царский трон. Активно действовали в этот период авантюристы, грабившие и мародерствовавшие в ослабленной России. Этот период углубил знания Речи Посполитой о России. Она представлялась огромной, богатой страной, но

слабой, несмотря на поражение поляков. Это привело к тому, что на русских стали смотреть свысока в еще большей степени, чем раньше.

В отношении русского народа накапливались новые их черты и характеристики. Русская культура стала расцениваться как более низкая, чем культура польская и европейские культуры в период Возрождения. Подобное чувство превосходства отсутствовало во времена первых контактов.

Ощущались и конфессиональные различия, что было связано с эволюцией религиозных отношений в Речи Посполитой. В XVI в. православными были почти половина жителей Речи Посполитой. Но в меру того, как их число убывало, а среди приверженцев восточного обряда стала распространяться уния, «польскость» все больше стала отождествляться с католицизмом. И тогда «схизматичность» России начала ощущаться как знак чуждости, особенно когда она стала выступать как защитник православных, в конце существования Речи Посполитой.

Итак, русские были чужими для поляков. Их оценивали как народ, отличавшийся рабской покорностью, более низкой культурой, чуждой религией. Но полностью отсутствовали и ненависть, и страх. Об этом говорят многие произведения литературы XVII в.: от мемуаров Станислава Жулкевского «Начало и развитие московской войны» до «Воспоминаний» Яна Хризостома Пасека. В числе их персонажей немало русских, но отношение к ним партнерское, снисходительное, еще лишенное какой-либо обиды. Ярче всего его раскрывает первая энциклопедия, появившаяся в эпоху королей саксонской династии, – «Новые Афины или полная Академия всяческих наук ... » ксендза Бенедикта Хмелевского. Такая характеристика русских приводится во второй части: «Слова своего не держат, к пьянству склонны, карающих благодарят, мести не замышляют. Простой это был недавно народ, теперь же, при Петре I Алексеевиче, большой приобрел глянец – царь в молодом возрасте с интересом посетил Австрию, Саксонию, Пруссию, Голландию, Англию, Францию, привез оттуда в свое государство людей благовоспитанных, с их помощью московских грубиянов просветил, открыл политические школы,

семинарии для просвещения шляхты в грамоте и политике, основал новые города, крепости, торговые заведения < ... >. Пуще всего такой навел среди своих подданных строгий порядок битьем батогами, кнутом, отсечением голов < ... >. Императорский и всякого начальства приказ они почитают словно глас Божий, выполняют, словно их в пекле пытками подгоняют» [Мачеевский 2000: 11].

Во второй половине XVIII века русские открываются для поляков с другой стороны: как притеснители, угрожающие независимости Польши. Поляк начал считать русского врагом и обидчиком. В сражениях русские оказывались сильнее, что крайне расстраивало поляков. Унизительное положение они пытались компенсировать, подчеркивая свое мнимое превосходство, выискивая недостатки русских, отказывая им не только в достоинствах, но даже в обладании нейтральных характеристик. Появляется оскорбительный тон, совершенно отсутствовавший в прежних высказываниях о «москалях». В одном из текстов этого периода приведено следующее описание русских: «Ты, читающий это < ... > если что-нибудь есть в тебе человеческое, задумайся < ... > хорошенько: разве ты можешь увидеть хоть маленькую искорку человечности в этом разнузданном сброде, взросшем на севере среди самых хищных зверей? Содрогнись от горя, Святая Добродетель, и посмотри – разве у этого мерзкого стада есть с тобой хоть что-нибудь общее?» [Мачеевский 2000: 12].

Конечно, разделы Польши, присоединение большей части Речи Посполитой к самодержавному государству, русификация и кровавые расправы, которыми заканчивались восстания, привели к тому, что образ русских стал прежде всего образом врага, захватчика, палача (например, резня в Праге в 1794 г.). Но в то же время русские были славянским народом, как и поляки.

Особенно пропагандировали образ русских-братьев романтики, придававшие национальному и племенному родству огромное значение. В связи с этим появились два направления:

1) его сторонники не отрицали биологической связи, но говорили о том, что насилие русских над поляками перечеркивает всякое «семейное родство». Райнольд Суходольский в «Полонезе», популярном во время ноябрьского восстания 1830 г., писал:

Кто сказал, что москали –
Это братья нам, лехитам,
Первым в лоб тому пальну я
Пред костелом Кармелитов.

Подобную позицию в XIX в. занимало большинство поляков.

2) приверженцы второго направления предлагали различать царизм и обслуживающие его высшие слои и простой русский народ. Они говорили, что народ не несет ответственности за преступления государственной власти и по-прежнему остается братским.

На протяжении рассматриваемых полутора столетий взаимоотношения между народами России и Польши претерпевали значительные изменения.

В начале XIX века был период, который мог предвещать совсем иное развитие этих отношений. После третьего раздела оказалось, что наибольшие свободы поляки получили именно в российской части Польши. К сожалению, период этот был очень коротким, хотя и особым образом повлиявшим на стереотип русского.

Но поспешное принятие конституции привело к восстанию в ноябре 1830 года, затем – к январскому 1863 года. Установилась политика, ведущая к полному поглощению Россией Польши и русификации поляков. Это обстоятельство привело к игнорированию всего русского. Это касалось не только личных контактов, но еще произошел бойкот окружающей действительности, враждебной по отношению к полякам.

Распространенной стала точка зрения о русских как об азиатах, наследниках татаро-монгольского государственного уклада или даже их прямых потомках, лишь с небольшой примесью славянской крови. Более того, к

русским в известной песенке времен январского восстания относилось следующее речение: «Прочь в Азию, потомки Чингисхана!».

И все же, несмотря на неблагоприятную политическую ситуацию, не все поляки второй половины XIX в. погрязли в глобальных антирусских настроениях. Находились последователи различия народа и власти. Был и еще один фактор – обыкновенные человеческие отношения, существенно влиявшие на стереотип русских и изменявшие его в польском сознании. Его можно обозначить формулой «друг-москаль». Дело в том, что Варшаве или Вильно не составляло сложности бойкотировать русских. Но поляку, сосланному в глубь империи, было сложно это делать, так как он находился один среди чужих. Ему приходилось заводить дружбу с местным населением. Эти люди не игнорировали русских, подчеркивая свою «польскость». Наоборот, они стремились к близкому общению. Их отношение к русским и русской культуре не могло быть отрицательным (хотя они могли сохранять негативное отношение к царизму и его политике в отношении к полякам).

Таким образом, стереотип русских, каким он сложился в сознании поляков в конце XIX в. и перешел в XX столетие, не был однозначно негативным, присутствовали в нем и положительные черты.

После революции 1905 г. польско-русские отношения подверглись резким изменениям. Огромную роль играло психологическое освобождение. Поляки поверили, что ситуация может измениться к лучшему. Это создало основу для формирования политического движения, ориентированного на соглашение с Россией.

Политические перевороты в России в 1917 г., а также обретение независимости решительно уничтожили все основания для обид и претензий. Но это не говорит об их полном исчезновении.

Ситуация серьезно ухудшилась после совместной с Гитлером агрессии СССР на Польшу в сентябре 1939 года и последующих преступлений российских коммунистов против польского населения, а также дальнейшей зависимости ПНР от советской Москвы. Особую роль в создании стереотипа

русского-врага сыграл расстрел поляков в Катыни. Однако среди руководителей демократической оппозиции были польские русисты, распространявшие среди соотечественников знания не только об истинной русской культуре, но и о множестве страданий, принесенных московскими коммунистами своему собственному народу.

Таким образом, обзор этих исторических и литературных материалов позволяет выделить некоторые стереотипы о русских (как положительные, так и отрицательные), последовательно складывавшиеся в польском сознании и обусловленные теми или иными факторами.

Из приведенного выше анализа языкового материала можно сделать еще один важный вывод: стереотипы, которые исторически складываются в национальном сознании, в дальнейшем находят отражение и в народном творчестве (например, пословицы и поговорки, раскрывающие образ какой-либо нации), и в литературе (например, произведение «Полонез» Райнольда Суходольского закрепляет стереотип «чужого русского», а поэма «Владислав IV» Самуэля Твардовского описывает суровый нрав русского народа, обусловленный неблагоприятными климатическими условиями).

Обобщенная таблица рассмотренных в данной главе стереотипов представлена в таблице (Приложении 1).

2.2. Фольклор и литература как источники формирования национальных стереотипов

Как уже отмечалось, в современном мире важную роль играют устойчивые представления народов друг о друге.

Усвоение человеком стереотипов происходит различными путями. Они усваиваются в процессе социализации и инкультурации.

Как известно, те или иные этнические стереотипы находят свое отражение в народном творчестве того или иного народа. Большую роль в формировании и закреплении в сознании нации стереотипов о другом народе

играет фольклор, а также литература. Не являются исключением и русско-польские отношения. Польское народное творчество, поэзия и проза хранят в себе устойчивые представления о России и русском народе, накапливающиеся в течение всей истории взаимодействия наших стран. Подобные стереотипы фигурируют в польских пословицах, поговорках, анекдотах, стихотворениях и пр. Именно благодаря им, из поколения в поколение передается сложившийся исторически образ России и русского, и тем самым тот или иной стереотип прочно укрепляется в сознании польских людей.

Такую характеристику межнационального общения между поляками и русскими дает Казимеж Брандыс в своих «Месяцах». Он признаёт, что «поляки не умеют думать о русских. Русские не умеют думать о поляках», вместо мышления доминируют «у обеих сторон [...] рефлексy и взаимонаправленные психологические комплексы». Именно поэтому многие высказывания одной нации о другой до сих пор обусловлены событиями тяжёлого исторического опыта, предрассудками и фобиями. Как пишет Тадеуш Сухарский в статье «Россия вторгается в польские стихи»: «Мы не в состоянии даже писать друг о друге строгим научным языком *sine ira et studio* — «без гнева и пристрастия» [Сухарский: URL].

Большую роль в формировании национальных стереотипов играют пословицы и поговорки. Польский фольклор насчитывает большое количество стереотипных изречений о России и русских. Так, например, в пословице «*Где русский в совете, коза в суде, волк в хлеву, лжец при дворе — там хорошо не будет*» считается отрицательное отношение к русскому человеку со стороны поляков, проявляется недоверие, предвзятое отношение к русской нации. Пословица передает мысль о том, что с русским лучше не иметь общих дел, т.к. любое взаимодействие не приведет ни к чему хорошему.

Известная польская пословица «Велика Россия, а для правды места нет», с одной стороны, подчеркивает величие страны, но, с другой стороны, создает отрицательный образ лживой России.

Красноречиво представлен образ русского во многих польских анекдотах. Как правило, образ России и русской нации дается с отрицательной стороны, герой анекдота является носителем не самых лучших характеристик, таких, например, как русский-неудачник, русский-враг, агрессор, русский-глупец, русский-захватчик и т.д.

Так, характеристику русского-глупца, русского-неудачника ярко демонстрирует следующий польский анекдот:

Поляк, немец и русский участвуют в конкурсе по забиванию гвоздей головой. Немец начинает первым: первый удар, второй, третий — гвоздь забит. Поляк бьет раз, два — гвоздь забит. Наконец приступает русский: один удар — гвоздь забит. Объявляют результаты. Немец занял второе место, поляк — первое, русский дисквалифицирован, потому что забил гвоздь не тем концом.

В данном случае в собирательном образе русского высмеивается интеллектуальная составляющая русской нации, неумение мыслить логически и выполнять определенные действия даже по образцу (ведь до русского в анекдоте аналогичные действия по забиванию гвоздя проделали и немец, и поляк). Во многих странах есть анекдоты с участием лиц разной национальности. В Великобритании, например, можно услышать шутку об англичанине, ирландце и шотландце, в США — об американце, канадце и мексиканце. Большое количество анекдотов про русских насчитывает польская культура. Чаше это будет история о поляке, немце и русском-неудачнике. Сюжеты могут повторяться в разных странах, а герои меняться местами: обычно в выгодном свете представляют человека той же нации, к которой относится рассказчик, как это и происходит в приведенном примере.

Многие анекдоты о русских имеют историческую основу. Например:

1. Россияне подарили полякам миллион бутылок шампанского на встречу 1982 года. Уговор был один: каждая бутылка подавалась официантом в военном мундире.

2. Выборы в 50-х годах. На стене висит портрет Сталина. Приходит старая бабка.

– О! Пилсудский!

– Это не Пилсудский, товарищ, а Иосиф Виссарионович Сталин.

– А что такого сделал этот Сталин?

– Он выгнал немцев из Польши.

– Вот это хорошо. Даст бог, он выгонит и русских.

Первый анекдот связан с периодом кризиса в Польше в 1982 году, ростом цен, введением военного положения и арестом лидеров «Солидарности» (социалистической профсоюзной организации, не зависимой от государства). В данном историческом контексте достаточно остро воспринималось все, что было связано с социализмом, в особенности сложно складывались отношения с СССР. В этот период господствовал стереотип России-врага, поработителя, который переносился и на образ русского народа, способного добиваться своего только насильственными методами в любых, даже мирных бытовых ситуациях («официант в военном мундире»).

О наличии данного стереотипа в сознании поляков свидетельствует и второй анекдот. Он затрагивает события 1951 г. Тогда состоялся обмен участками территорий между Польшей и СССР (УССР). Население передаваемых территорий перед этим было отселено вглубь соответствующих государств.

Уничтожение евреев, послевоенное выселение немцев из присоединённых к Польше немецких земель, а также установление новых границ с СССР и обмен с ним населением сделали Польшу практически моноэтничным государством. В этом анекдоте раскрывается отрицательное

отношение к русским со стороны поляков, во многом обоснованное сложными историческими событиями: военные конфликты, разделы польской территории, Катынский расстрел и т.д. Все эти события сформировали в сознании польской нации образ русского-врага, притеснителя, от которого хотелось избавиться, изгнать из своей территории на протяжении долгого времени. Об этом говорит и следующий польский анекдот:

Француз, русский и поляк плывут на плоту. Француз пьет вино и — не допив до конца — выливает остатки в реку.

Русский ему и говорит:

— Что ты наделал?! Зачем вылил вино, оно ведь такое дорогое?!

— У нас его полно — отвечает надменно француз.

Спустя некоторое время поляк сталкивает русского с плота, на что француз удивленно:

— Зачем ты толкнул нашего товарища?

— А у нас их полно — отвечает поляк.

Неоценимый вклад в закрепление в сознании народа того или иного стереотипа о другом народе вносит литература, в частности, поэзия. Исходя из истории отношений Польши и России — что касается как мирных периодов сосуществования наших стран, так и различных конфликтных ситуаций — русская тема не могла не отразиться в творчестве польских поэтов. Так, в стихотворении Збигнева Херберта «17 сентября», опубликованном в сборнике «Донесение из осаждённого Города» 1983 г., можно прочесть следующие строки:

*Мой край беззащитный тебя, оккупант, с честью примет,
И сажень земли даст под вербой тебе — и покой,
Чтоб те, кто придут после нас, затвердили урок
Прощенья — искусства, должно быть, сложнейшего в мире.*

Хотя имя «агрессора» здесь не называется, но оно ясно подразумевается в названии стиха. 17 сентября 1939 года, когда польская армия пыталась сдержать нацистов на западе, Иосиф Сталин решил восстановить историческую справедливость и забрать у Польши территорию, которую считал своей. В приведенном отрывке содержится обыденное польское представление о России-оккупанте, враге, захватчике. В противовес русским прославляются сила любви и прощения, духовная победа польской нации.

Часто затрагивал тему России известный польский поэт Адам Мицкевич. В своей знаменитой поэме «Дзяды» в главе «Дорога в Россию» А. Мицкевич так пишет о России и русских:

*Чужая, глухая, нагая страна
Бела, как пустая страница, она. <...>
Как зверь, как природа полных краев,
Тут каждый и свеж, и силен, и здоров.
И только их лица подобны донине
Земле их — пустынной и дикой равнине.*

В данном отрывке раскрывается стереотип о России, как о далекой, чужой стране, вселяющей некий ужас и трепет. Русский народ предстает здесь «как зверь, как природа полных краев». Он крепок, но примитивен и пронизан апатией ко всему, что его окружает. Подобный стереотип начал возникать в XVI в., во время начала первых войн, соперничества Польши и Московского государства. В этот период русские воспринимались поляками, как жители огромной территории, дикой, чужой страны с холодным климатом, который во много способствовал формированию сурового характера русских. Сама культура русской нации считалась более низкой по отношению к культуре Польши. Подобный стереотип можно наблюдать в поэме «Владислав IV» Самуэля Твардовского:

*Есть на Севере народ огромный, живущий просторно,
Его не ограничивает, кажется,*

*Даже ледовитое море, там утренние зори
Поздно восходят, а дальше земли безлюдные.
Посмотришь на его лицо: непривлекательное и грубое.
Старый это, однако, народ, который больше известен
Своей жестокостью, чем другие народы, и живет на
своей земле
Испокон века, и имеет сильную армию.*

В данном примере к стереотипу русского-чужака прибавляется еще образ жестокого русского, решающего многие вопросы при помощи силы («...известен своей жестокостью, ... имеет сильную армию»).

Еще одно существенное различие между польской и русской культурой связано с религией. Стереотип русского-иноверца нашел отражение в польской литературе. Так, Ян Кохановский в «Ерѣнісіоне или Песне победной» (1583 г.) вспоминает об общих славянских корнях поляков и московитов, но подчёркивает при этом, однако, разницу вероисповедания, которая зачастую служит причиной их взаимных столкновений:

*Москва и Польша из единой колыбели,
И мы славяне, и они славяне,
Но разница в религии нас делит,
Что братьев перессорить в состоянии.*

В сочинении «О Пазифилии» (1554 г.) Кохановский отмечает ещё одну важную причину недоразумений между поляками и русскими — это столкновение политических интересов, борьба с московским государством за удержание господства над землями Малой Руси.

*Много битв было жестоких меж теми народами,
Спорам о власти над русской землёй нет числа,
Мира меж ними нет только доныне, покоя,
Древняя ненависть новой обидой выросла.*

Кохановский пишет о многочисленных польско-московских конфликтах, которые продолжались на протяжении многих лет и постоянно

обновлялись новыми и новыми столкновениями (*«Древняя ненависть новой обидой выросла»*).

Если Ян Кохановский признавал идею общего происхождения русских и поляков, то, например, Райнольд Суходольский в «Полонезе», популярном во время ноябрьского восстания 1830 г., писал:

*Кто сказал, что москали —
Это братья нам, лехитам,
Первым в лоб тому пальну я
Пред костелом Кармелитов.*

В приведенном отрывке ярко представлено отрицательное отношение к России и к русской нации, которое заключается в отрицании родства, пренебрежительном отношении к русским (*«москали»*) и стереотипном представлении о русских-врагах.

Также в течение длительного времени поляки были убеждены в том, что русский прирожден терпеть несвободу и притеснения со стороны властей. Данный стереотип ярко показан во многих произведениях: в «Записках о московской войне» Рейнгольда Гейденштейна, в «Походе на Москву» и XIII Песне из «Вторых Книг» Яна Кохановского, в которой автор противопоставляет человечному и дружелюбному по отношению к своим подданным польскому королю Ивана Грозного — надменного «тирана северного края».

Итак, русские были чужими для поляков. Их оценивали как народ, отличавшийся рабской покорностью, более низкой культурой, чуждой религией. Но все же в польской культуре встречались произведения, в которых полностью отсутствовали и ненависть, и страх. Об этом говорят многие литературные памятники XVII в.: от мемуаров Станислава Жулкевского «Начало и развитие московской войны» до «Воспоминаний» Яна Хризостома Пасека. В числе их персонажей немало русских, но отношение к ним партнерское, снисходительное, еще лишенное какой-либо

обиды. Ярче всего его раскрывает первая энциклопедия, появившаяся в эпоху королей саксонской династии, — «Новые Афины или полная Академия всяческих наук...» ксендза Бенедикта Хмелевского. Такая характеристика русских приводится во второй части: «Слова своего не держат, к пьянству склонны, карающих благодарят, мести не замышляют. Простой это был недавно народ, теперь же, при Петре I Алексеевиче, большой приобрел глянец — царь в молодом возрасте с интересом посетил Австрию, Саксонию, Пруссию, Голландию, Англию, Францию, привез оттуда в свое государство людей благовоспитанных, с их помощью московских грубиянов просветил, открыл политические школы, семинарии для просвещения шляхты в грамоте и политике, основал новые города, крепости, торговые заведения <...>. Пуще всего такой навел среди своих подданных строгий порядок битьем батогами, кнутом, отсечением голов <...>. Императорский и всякого начальства приказ они почитают словно глас Божий, выполняют, словно их в пекле пытками подгоняют» [Мачеевский 2000: 2]. Из приведенного отрывка можно выделить еще один стереотип — «русский-пьяница».

Таким образом, можно сделать следующие выводы: в сознании польской нации относительно России и русских существуют преимущественно отрицательные стереотипы. К их числу можно отнести такие стереотипные образы, как «Россия-враг», «Россия-захватчик, оккупант», «русский-глупец», «русский-неудачник», «русский-враг», «русский-поработитель», и т.д. Большинство этих устойчивых представлений поляков о России и русских напрямую связаны с историей взаимодействия двух стран, т.е. фольклор и литература в данном случае играют важнейшую роль в закреплении данных стереотипов в сознании польского человека.

Основные стереотипы о русских и о России, выявленные в ходе анализа пословиц, анекдотов и литературных произведений, их характер и примеры, подтверждающие данный стереотип находятся в таблице (Приложение 2).

2.3. Роль СМИ в формировании национальных стереотипов

В современном информационном обществе развитие СМИ идет усиленными темпами. Разнообразие их видов, новые технологии в сфере массовых коммуникаций увеличивает их влияние, способствует проникновению во все сферы общественной жизни. Особое место в жизни социума играют такие средства массовой информации, как телевидение и Интернет, поскольку они являются наиболее совершенными средствами отражения социокультурной сферы общества, реальной действительности. Интернет и телевидение одновременно и отражают животрепещущие проблемы современности, и оказывают существенное влияние на общественное мнение и массовое сознание.

СМИ выполняют огромное количество функций в совершенно разных сферах. Например, Е. П. Прохоров, считая СМИ многофункциональной системой, выделяет следующие шесть важнейших функций журналистики:

1. Коммуникативная — функция общения, налаживания контакта.
2. Непосредственно-организаторская, или, иначе говоря, проявление роли СМИ как «четвертой власти» в обществе;
3. Идеологическая (социально-ориентирующая). Данная функция связана со стремлением оказать глубокое влияние на мировоззренческие основы и ценностные ориентации аудитории, на сознание людей, включая мотивацию поведенческих актов.
4. Культурно-образовательная, заключающаяся в участии СМИ в пропаганде и распространении в жизни общества высоких культурных ценностей, что способствует всестороннему развитию человека.
5. Рекламно-справочная, связанная с удовлетворением утилитарных запросов в связи с миром увлечений разных слоев аудитории.
6. Рекреативная (развлечение, снятие напряжения, получение удовольствия).

Но большинство исследователей отмечают, что к началу XXI века, в эпоху, характеризуемую развитием коммуникационной среды в медиапро-

странстве, функция воздействия, убеждения практически вытеснила остальные функции СМИ, и они постепенно стали превращаться в средства массового воздействия. Журналисты-практики и исследователи социально-идеологических проблем в истории журналистики обращают внимание на тот факт, что в вопросах «воздействия на сознание» и «манипулирования сознанием» едва ли не главенствующая роль принадлежит речевой форме подачи соответствующей информации.

Важным теоретическим разграничением в науке о речевом воздействии является верное толкование терминов «речевое воздействие» и «манипулирование».

Проблема воздействия на сознание информации долгое время беспокоит исследователей. Существует множество точек зрения на данный феномен. Так, по мнению Р. Блакра, процесс речевого воздействия – это осуществление власти, а «любое нейтральное использование языка предполагает воздействие на восприятие мира и способ его структурирования» [Блакар 1987: 16].

О субъективности информации говорил в свое время У. Эко: «Объективной информации не существует... Даже при педантичном отделении комментария от сообщения сам по себе подбор сообщений и их расположение на полосе несут в себе имплицитное суждение» [Эко 1998: 49].

Известный исследователь И. А. Стернин считает, что речевое воздействие – это «воздействие человека на другого человека или группу лиц при помощи речи» [Стернин 2001: 54].

Но большинство исследователей сходятся во мнении, что «речевое воздействие – это речевое общение, взятое в аспекте его целенаправленности, мотивационной обусловленности» [Иссерс 2003: 21]. Данное определение представлено в работах исследователя проблемы речевого воздействия О. С. Иссерс.

В свою очередь, наивысшей формой речевого воздействия является «манипуляция». Под манипуляцией понимается «искусство управлять пове-

дением человека с помощью целеустремленного воздействия на общественную психологию» [Желтухина 2003: 75]. Исследователь феномена манипуляции С. Г. Кара-Мурза в своей работе «Манипуляция сознанием» отмечает, что «манипулированием называется такой вид взаимодействия между людьми, при котором один из них (манипулирующий) пытается осуществлять контроль за поведением другого (манипулируемого), побуждая его вести себя угодным манипулирующему способом... Делается это таким образом, что манипулируемый не осознает себя объектом воздействия, ему кажется, что он сам вследствие рассуждения или душевного порыва захотел сделать именно так» [Кара-Мурза 2000: 102]. О скрытости психологического воздействия говорит и Е. Л. Доценко: «Мишенью манипулирования, которое практически всегда носит скрытый характер, являются психологические структуры человеческой личности» [Доценко 1996: 121].

Таким образом, речевая манипуляция является взаимодействием коммуникантов, при котором говорящий путем скрытого внедрения в психику адресата целей, намерений, желаний, не совпадающих с теми, что есть у слушающего, вынуждает последнего перестраивать свои мнения, настроения. Зачастую намеренно СМИ предлагают своей аудитории модели как речевого, так и социального поведения, которые потенциально могут исказить картину мира адресата. В свою очередь, адресат СМИ – массовая аудитория («потенциальное неопределенное множество лиц», по И.М. Кобозевой), вступающая в релятивное (от лат. *rete* – сеть), опосредованное, социально ориентированное общение [Кобозева 2003: 41]. В данном контексте можно говорить о некоторых социальных последствиях влияния СМИ на массовое сознание людей.

Во-первых, воздействие массовой коммуникации может отрицательно влиять на качество межличностного общения.

Во-вторых, крайне часто в средствах массовой информации встречается насилие, что, как правило, вызывает агрессивное поведение в массах.

В-третьих, массовая коммуникация оказывает не только негативное влияние на массовое и индивидуальное сознание. Она может противодействовать этническим и половым стереотипам

В-четвертых, массовая коммуникация оказывает формирующее и закрепляющее воздействие на социальные стереотипы (схематичные и упрощенные представления о социальных объектах, широко распространенные в обществе). Стереотипы могут касаться других национальностей, классов, групп и т. п. Существование стереотипов также может влиять на формирование общественного мнения. Именно с этой точки зрения в нашей работе и будут рассматриваться способы воздействия СМИ на общественное сознание.

Для того чтобы повлиять на общественное мнение, создать, сохранить, закрепить в сознании аудитории тот или иной стереотип, СМИ используют различные коммуникативные стратегии и тактики.

В науке существует большое количество определений этих понятий. А. П. Чудинов считает, что «Коммуникативная стратегия – это основной путь, который должен привести к победе», а коммуникативная тактика – «конкретные приемы реализации стратегического замысла». Данные определения акцентируют внимание именно на коммуникативном успехе [Чудинов 2000: 36].

О. С. Иссерс в монографии «Коммуникативные стратегии и тактики русской речи» подчеркивает осознанность и запланированность речевых действий в рамках коммуникативной стратегии: «Речевая стратегия включает в себя планирование речевой коммуникации в зависимости от условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана. ... понятие стратегии опирается ... на победу (которая понимается как результативное воздействие на слушателя, как трансформация его модели мира в желательном для адресанта направлении)» [Иссерс 2006: 54]. Т.е. в процессе восприятия необходима интерпретация при операциях над знаниями собеседника, ценностными категориями, эмоциями.

Е. Н. Ширяева и Л. К. Граудина говорят о том, что выработка стратегии обусловлена требованиями стилистической нормы. Стратегия связана с «поисками общего языка и выработкой основ диалогического сотрудничества: это выбор тональности общения, выбор языкового способа представления реального положения дел» [Культура русской речи 2000: 73].

Таким образом, коммуникативная стратегия – путь посредством которого говорящий воздействует на слушающего, система речевых действий, которые приводят адресата к достижению цели.

Еще одна проблема, связанная с понятием «коммуникативная стратегия» – это отсутствие единой классификации. Так, Е. Н. Зарецкая считает, что «целевых установок речи множество, т.к. они связаны с потребностями человека в коммуникативном воздействии на других людей: желанием убедить, заставить совершить определенный поступок, вызвать ту или иную эмоцию и т.д.» [Зарецкая 1998: 7].

Но многие исследователи говорят о стратегиях трех типов: 1) регулятивная стратегия (цель – вызвать желаемые изменения в широком экстракоммуникативном аспекте ситуации); 2) диктальная стратегия (цель – информировать собеседника о фактах, событиях объективной реакции); 3) модальная стратегия (цель – выразить свои чувства, оценки, коммуникативные интенции, предпочтения в отношении речи и коммуникативной ситуации).

Распространенным является мнение, что все типы стратегий могут быть сведены в три общих класса: презентации, манипуляции, конвенции.

О. С. Иссерс предлагает классификацию речевых стратегий, в основе которой лежит функциональная точка зрения. Исследователь выделяет основные и вспомогательные стратегии. «Основная стратегия – та, которая на данном этапе коммуникативного взаимодействия является наиболее значимой с точки зрения иерархии мотивов и целей. Вспомогательные стратегии способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия, оптимальному воздействию на адресата» [Иссерс 2006: 106]. Фактором, помогающим отнести ту или иную коммуникативную стратегию к определенному

типу, служит количество текстов, реализующих стратегию. Количественное превосходство имеют основные стратегии. К основным стратегиям исследователь относит семантическую – воздействие на адресата, его модель мира, систему ценностей. К вспомогательным стратегиям относятся прагматические (установка на кооперативное общение либо его отсутствие), диалоговые (контроль над организацией диалога), риторические типы стратегий (оптимизация речевого воздействия). Также внутри каждого типа выделяется несколько стратегий. Так, семантические стратегии представлены стратегией дискредитации, подчинения и т.д.

Разделение стратегий на основные и вспомогательные представляется нам наиболее удачным, будем опираться в нашем исследовании именно на нее.

«Речевая тактика» в более общем смысле понимается как возможность достичь цели разными путями. Исследователь Т. А. ванн Дейк говорит, что речевая тактика – «это функциональная единица, последовательность действий, которая способствует решению локальных или глобальных задач в рамках стратегии» [Ван Дейк 1989: 63].

Многие исследователи сходятся во мнении, что тактики ориентированы на выполнение способов реализации стратегии речи [Верещагина 1992, Лазуткина 2003, Матвеева 2003]. Е. В. Клюев описывает тактику, как «достаточно крупную коммуникативную единицу – конкретную методику, схему действия, единство практических ходов в реальном процессе речевого взаимодействия» [Клюев 1999: 91]. Таким образом, суть применения тактики заключается в том, чтобы изменить параметры в нужном говорящему направлении.

Е. С. Попова считает, что «тактика – это план содержания, который манифестируется в плане выражения, то есть тактика обретает форму с помощью приема, который связан с огромными возможностями языковой системы и потенциальными возможностями иллюстраций» [Попова 2002: 79].

В рамках нашего исследования необходимо разобрать еще одно понятие. В качестве инструмента реализации определенной тактики выступают коммуникативные ходы. Под коммуникативным ходом В. И. Карасик понимает «синтагматически определенный элемент речевого акта» [Карасик 2002: 95]. В свою очередь О. С. Иссерс считает, что «коммуникативный ход – это средство, которое позволяет раскрыть суть коммуникативной тактики» [Иссерс 2006: 59].

В рамках нашего исследования под коммуникативной стратегией понимается путь, который должен сформировать определенный стереотип в сознании одной нации о другой, а под коммуникативной тактикой – конкретный прием реализации данного замысла.

Таким образом, основными первоисточниками формирования национальных стереотипов являются история, фольклор и литература. Представленные в данной главе исторические события, связывающие Польшу и Россию, произведения фольклора и литературы позволили сделать вывод о том, что в сознании польского человека постепенно формировался отрицательные стереотипный образ России и русского человека. В ходе анализа языкового материала были выделены такие стереотипы, как «пьяный русский», «русский-глупец», «невежественный русский», «Россия-враг», «русский-захватчик», «Россия-оккупант», «русский-поработитель», «чужая северная Россия» и т.д. Можно утверждать, что образы России и русских не лишены и положительных черт. Так, например, в течение небольших исторических отрезков поляки представляли русских братьями, друзьями, родственным славянским народом, а Россию – большой богатой страной. Но доминирующими оставались все-таки негативные представления.

В современном обществе главенствующую роль в формировании стереотипов о другом народе играют средства массовой информации. В связи с этим особое место в исследовании способов речевого воздействия занимают такие понятия, как «коммуникативная стратегия» и «коммуникативная тактика». От характера применяемых автором в тексте стратегий и тактик зави-

сит формирование положительного, нейтрального или отрицательного образа другой страны. Именно об этом и пойдет речь в следующей главе.

ГЛАВА 3. НАЦИОНАЛЬНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ О РОССИИ И РУССКИХ В ПОЛЬСКИХ СМИ

3.1. Коммуникативные стратегии и тактики формирования национальных стереотипов о России и русских в польских СМИ

Обратимся к вопросу коммуникативных стратегий и тактик, используемых русскоязычными польскими СМИ при описании образа России и русских. Материалом для анализа послужили статьи из «Gazeta Wyborcza» — ежедневной газеты общественно-политической направленности. Она создавалась как печатный орган Гражданского комитета «Солидарность» перед выборами в Польшу в 1989 году, впоследствии продолжила деятельность как самостоятельное издание. Газета издает региональные и тематические приложения, посвященные истории, политике, спорту, культурной жизни. Редакция придерживается либерально-демократической ориентации, освещает проблемы феминизма и в целом — толерантности в польском обществе, выступает за отделение Церкви от государства. В период парламентских выборов 2007 года издание поддерживало консервативно-либеральную партию Гражданская платформа (PO), а на президентских выборах 2010 и 2015 годов — ее кандидата. Gazeta Wyborcza регулярно занимает первую строчку в рейтинге наиболее цитируемых польских СМИ, средний ежедневный тираж, по данным на сентябрь 2015 года, составляет 236291 экземпляр (распространение на платной основе на тот же период — 170379 экземпляров).

Также в качестве материала для анализа были взяты тексты с сайта «Радио Польша». Зарубежная служба Польского радио является частью общественного радиовещания в Польше. Задача Зарубежной службы состоит в распространении информации о политической, экономической и общественной жизни страны, о направлениях польской внешней политики.

Зарубежная служба является источником объективной информации о позиции Польши по отношению к событиям, происходящим в Центральной и Восточной Европе и во всем мире. Аудитория Зарубежной службы получает полную картину жизни польского общества, узнаёт о его достижениях в области науки и культуры. Ежедневно в эфир Зарубежной службы выходит 11 часов новых передач на 7 языках: польском, английском, немецком, русском, украинском, белорусском и на языке иврит.

Нами был проведен анализ статей из данных источников на наличие в них определенных коммуникативных стратегий и тактик, формирующих тот или иной стереотипный образ России и русских.

Первый анализируемый фрагмент взят нами из статьи *«Reuters: Связанный с Путиным think tank разработал план вмешательства в выборы США»*. Материал был опубликован 20 апреля 2017 года на сайте «Радио Польша». Автор подробно описывает содержание документов, представляющих собой план действий, целью которого является достижение желаемого результата на выборах президента в США. *«Первый из документов – это стратегия, разработанная в июне прошлого года, которая циркулировала в высших правительственных кругах РФ. В ней Кремлю рекомендовалось запустить пропагандистскую кампанию в социальных медиа и поддерживаемых государством российских СМИ с целью подтолкнуть американцев избрать президента, который будет придерживаться более мягкого подхода в отношениях с РФ.*

Во втором документе, подготовленном в октябре, эксперты исходили из вероятной победы кандидата от демократов Хиллари Клинтон и предлагали перейти от пропаганды в поддержку Трампа к выбросу информации о фальсификациях на голосовании, чтобы нанести вред репутации Клинтон как возможного будущего президента США».

В ходе проведения свободного ассоциативного эксперимента нам удалось выяснить, что большинство поляков связывают образ России и русских с именем президента РФ – В. В. Путина. В ядро ассоциативного поля «рус-

ские» вошел ответ «Путин». Так ответили 43, 5 % респондентов. Таким образом, негативная оценка действий президента РФ, Кремля способна повлиять на формирование негативного образа России и русских в сознании польского населения.

В данном фрагменте статьи автор применяет стратегию дискредитации, которая достигается путем использования тактики обвинения. Автор статьи прямо обвиняет Путина и Кремль во вмешательстве в дела другого государства, в *пропагандистской кампании*, целью которой является приход к власти политика, более выгодного российской власти. При этом основным способом достижения этой цели является подрыв репутации нежелательного кандидата противника (*«информация о фальсификации на голосованиях»*).

Таким образом, по мнению польских СМИ, Россия нарушает один из ведущих политических принципов – принцип невмешательства, конкретизированный в таких международных документах, как Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, Декларация о принципах международного права 1970 г. Данные документы запрещают государствам вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела, входящие во внутреннюю компетенцию другого государства.

Данный текст, построенный на тактике обвинения, создает негативный образ России, также способствует сохранению и закреплению стереотипного образа хитрой России, действующей нечестными путями для достижения собственной выгоды.

В следующей статье *«ИИП: Информационная доска на кладбище в Катыни – это провокация России»*, опубликованной в польском источнике «Gazeta Wyborcza» 10 апреля 2017 года, автор затрагивает одну из самых болезненных тем для польской нации – Катынскую трагедию. Приведем фрагмент статьи: *«Установленная российской стороной информационная доска на кладбище в Катыни – это провокация. Такое мнение выразил историк Витольд Василевский из Института национальной памяти Польши. На дос-*

ке размещена информация о 157 тысячах солдат Красной Армии, взятых в плен поляками, из которых 75 тысяч не вернулись на родину... российская сторона пытается сравнить не поддающиеся сравнению события... сопоставить смерть группы советских военнопленных, которая не была следствием запланированного геноцида, с преступлением против польского народа, польской элиты. Это продолжение запланированной еще во времена Советского Союза стратегии, согласно которой, признавшись... в совершении Катынского преступления, следовало обвинить поляков в чем-то, что могло бы смягчить и размыть ответственность за это преступление».

В данном фрагменте используется тактика обвинения в рамках стратегии дискредитации. Для этого автор обращается к тяжелому прошлому, к одному из самых трагичных исторических событий, связывающих Россию и Польшу.

К тому же по результатам ассоциативного эксперимента самым распространенным ответом на вопрос о событиях, связывающих историю России с историей Польши, стал ответ «Катынь». И в данном случае были даны разные характеристики этого события: Катынский расстрел, Катынское преступление, Катынь, поляки были расстреляны русскими в Катыне, геноцид в Катыни, расстрел в Катыни, жестокое убийство поляков в Катыни, Катынское злодеяние. Данное историческое событие указали в своих анкетах 60, 4% респондентов.

И в приведенном фрагменте статьи используются такие характеристики этого исторического события, как «преступление» (с частотностью 2) и «геноцид». Следует отметить, что в толковом словаре слово «преступление» трактуется, как «общественно опасное действие, нарушающее закон и подлежащее уголовной ответственности. Совершить п. Государственное п. Преступления против человечности: подготовка и ведение агрессивных войн, применение средств массового уничтожения людей, военные акции против мирного населения, грабежи, убийства и другие злодеяния, расизм, геноцид» [Ожегов 2000: 375].

Витольд Василевский говорит о преступлении против человечества, применяя еще один термин «геноцид» – истребление отдельных групп населения, целых народов в мирное или военное время по расовым, национальным или религиозным мотивам»)

Подобные высказывания в СМИ не могут не повлиять на сохранение и закрепление стереотипа России-врага, убийцы. К тому же существует версия о том, что Катынский расстрел действительно был актом геноцида польского народа, которая еще сильнее усугубляет положение и достраивает в сознании польской общественности этот стереотип. Еще один стереотип формируется с помощью оппозиции «свой-чужие», что проявляется в сопоставлении В. Василевским смерти «группы советских военнопленных, которая не была следствием запланированного геноцида, с преступлением против польского народа». Таким образом, очевидна трансляция автостереотипа о положительном образе Польши и гетеростереотипа о «плохой» России.

Следует отметить, что в статье использован такой коммуникативный ход, как апелляция к авторитетному мнению, т.к. подобная интерпретация событий представлена достаточно известным в Польше историком Витольдом Василевским, иначе говоря, специалистом в данной области, точка зрения которого будет принята большинством читателей.

В следующей статье *«Глава польского МИД Витольд Ващиковский заявил, что пришло время выдвинуть российской стороне обвинения в связи с авиакатастрофой в Смоленске»*, взятой с сайта «Радио Польша» (2. 04. 2017), автор затрагивает еще одно трагическое событие, в последнее время негативно повлиявшее на отношение поляков к России, – авиакатастрофу под Смоленском, в которой погиб польский президент Лех Качиньский. Приведем наиболее значимый для нашего исследования фрагмент: *«После семи лет и отсутствия сотрудничества российской стороны с нами... самое время предъявить российской стороне твердые обвинения в отсутствии сотрудничества, а может даже и в соучастии в этой катастрофе. Это позиция польского государства, которая заключается в том, чтобы после стольких*

лет выдвинуть твердые обвинения... По утверждению польских прокуроров, диспетчеры должны ответить за умышленное доведение до катастрофы в воздушном движении».

Основной тактикой в рамках стратегии дискредитации в приведенной статье является тактика обвинения, что представлено уже в заголовке и неоднократно повторяется в самой статье. Следует отметить, что авиакатастрофа под Смоленском, в которой погиб президент Польши Лех Качиньский в свое время ухудшила отношения поляков к русским и к России. С момента трагедии в СМИ неоднократно высказывалось мнение о причастности России к крушению самолета. И в данной статье автор говорит не только об «отсутствии сотрудничества», а даже о «соучастии в этой катастрофе», об «умышленном доведении до катастрофы в воздушном движении».

Тем самым СМИ формирует негативный стереотип «Россия-враг», «убийца». Как и в прошлой статье, представлено мнение авторитетного специалиста в области внешней политики, а именно главы польского МИД Витольда Вашиковского, которое, скорее всего, будет принято большинством читателей.

Следующая статья «*Польша обеспокоена ситуацией в России*» опубликована в «Gazeta Wyborcza» 27 марта 2017 года. Автор пишет: «*Министр в Канцелярии президента Польши Кишиштоф Щерский призвал российские власти к общественному диалогу. Щерский отметил, что реакция российских властей на недавние протесты была агрессивной, и призвал Кремль к диалогу с обществом... Ситуация в России вызывает беспокойство. Не впервые мы сталкиваемся с тем, что протесты оппозиции вызывают очень агрессивную реакцию властей. Мы призываем, как и в каждом случае, к общественному диалогу. Для каждой страны важен такой диалог. В этом состоит разница между Польшей, где протесты оппозиции охраняет полиция, и Россией, где полиция разгоняет протесты. Это показывает разницу между демократической страной и страной, в которой демократия находится под угрозой*».

Как и в прошлых примерах, цель данной статьи – дискредитация образа России, эта стратегия достигается с помощью тактики обвинения. Щерский обвиняет Россию в агрессивной реакции по отношению к оппозиции, ставя при этом под сомнение наличие демократических прав и свобод граждан. Данная характеристика способствует формированию стереотипа «агрессивная Россия». Также автором используется коммуникативный ход сопоставления «свои-чужие», когда он говорит о разнице «между Польшей, где протесты оппозиции охраняет полиция, и Россией, где полиция разгоняет протесты. Это показывает разницу между демократической страной и страной, в которой демократия находится под угрозой», что способствует закреплению стереотипа «чужая Россия», который начал формироваться в сознании польской нации еще в 16 веке. Появление этого стереотипа было связано с религиозными различиями, но сейчас данный стереотип связан исключительно с политическими событиями. Существенное значение имеет и то, что автор статьи обращается к мнению весьма авторитетного лица – известного польского политика Кшиштофа Щерского.

В опубликованной на сайте «Радио Польша» 24 февраля 2017 года статье *«Хочет ли Кремль нас рассорить?»* автор ссылается на другой польский источник: *«... в Вооруженных Силах РФ существуют специальные войска, призванные работать в киберпространстве и вести информационную войну. Об этом пишет издание «Gazeta Polska Codziennie» в материале «Киберармия Путина готовится к войне». В то же время, как отмечает газета, российские войска оккупируют Крым, усиливают свои репрессии против жителей полуострова. О действиях российских солдат, которые вызывают беспокойство, сообщил президент Украины Петр Порошенко.*

В издании говорится, в частности, что в Крыму уже несколько дней продолжается массовая операция по преследованию крымских татар. Арестовано по меньшей мере 20 человек, а в их квартирах проводятся незаконные обыски.

В Киеве не сомневаются, что действия России связаны с Днем сопротивления российской оккупации Крыма 26 февраля. Три года назад именно в этот день в Симферополе состоялась крупная демонстрация крымских татар против оккупации, напоминает «Gazeta Polska Codziennie».

Называя присоединение Крыма к России «оккупацией» полуострова, автор использует стратегию дискредитации, которая реализуется посредством тактики обвинения. К тому же автор обвиняет Россию в репрессии против жителей Крыма, в преследовании крымских татар и в незаконных обысках.

В толковом словаре под словом «оккупация» понимается «временное отторжение, захват чужой территории военной силой», а под репрессией понимается «карательная мера, исходящая от государственных органов» [Ожегов 2000: 437].

Согласно нормам международного права, оккупированная территория юридически продолжает оставаться территорией того государства, которому она принадлежала до оккупации. В период временного, фактического перехода власти из рук законного правительства к военным властям, занявшим территорию, эти власти обязаны обеспечить общественный порядок и жизнь населения, уважая существующие в этой стране законы. Женевская конвенция 1949 г. о защите гражданского населения во время войны устанавливает, что лица, находящиеся на оккупированной территории, имеют право на уважение их личности, чести, семейных прав, религиозных убеждений.

Оккупирующему государству не разрешается упразднить на занятой территории действовавшие законы. Оно вправе только приостановить действие тех местных законов, которые не отвечают интересам безопасности его армии или оккупационной власти, а также может издавать временные административные акты, если это необходимо для поддержания общественного порядка. Издаваемые оккупирующей державой уголовно-правовые акты вступают в силу только после того, как они будут опубликованы и доведены до сведения населения на его языке.

Таким образом, репрессии, обыски и преследования свидетельствуют о серьезном нарушении норм международного права, что еще больше очерняет образ России в глазах польской общественности. Также обвинения касаются притеснения по национальному принципу (притеснения крымских татар) со стороны оккупирующего государства.

Данная статья способна повлиять на закрепление в польском сознании образа «России-захватчика», появившегося в период разделов Польши и войн за территорию (вторая половина 18 века), стереотипа «злой, несправедливой России», применяющей различные карательные меры к населению, а также образа «сильной России», но в большей степени данный стереотип связан с применением военной силы, притом используемой незаконно.

Говоря о «киберармии Путина», автор подчеркивает основные методы внешнеполитической борьбы, связанные не только с применением военной силы, но и с хакерскими атаками, что создает образ «нечестной России», добивающейся результата любыми способами.

В следующей статье *«МИД Польши: Призываем Россию прекратить оккупацию Крыма»*, взятой нами с сайта «Радио Польша» (20 марта 2017), автор поднимает проблему присоединения Крыма к РФ: *«В третью годовщину незаконного присоединения к России Крыма, МИД Польши напоминает, что Варшава не признает так называемой аннексии украинского полуострова и продолжает поддерживать территориальную целостность Украины в границах, признанных международным правом»*.

В сообщении дипломатическое ведомство отмечает, что вместе «со всем международным сообществом Польша призывает Россию прекратить оккупацию полуострова».

Пока этого не произойдет, мы выступаем за соблюдение санкций, наложенных ЕС... в ответ на нелегальные российские действия.

Также польский МИД выражает обеспокоенность состоянием соблюдения прав человека на Крымском полуострове, в том числе и прав национальных меньшинств... Сожалеет, что российские власти блокирует дос-

туп к Крыму международных организаций, занимающихся мониторингом прав человека. Мы осуждаем преследования, применяемые Россией в Крыму с целью подавления любого сопротивления и укрепления позиции оккупационной власти. С подобной обеспокоенностью мы наблюдаем за милитаризацией полуострова».

В статье реализована стратегия дискредитации, в которой основной является тактика обвинения. В данном тексте России выдвигаются обвинения в «незаконных, нелегальных» действиях, которые касаются нашумевшего присоединения территории Крыма к РФ. При описании этого события в текстах СМИ используется термин «оккупация», акцентирующий внимание на силовом военном захвате территории другого государства, о применении силовых методов говорит и обвинение в «подавлении любого сопротивления». Помимо этого в тексте присутствует термин «милитаризация», тем самым подчеркивается наращивание военных сил России, вызывающее крайнюю обеспокоенность Польши, т.е. акцент делается на наличии угрозы с российской стороны. Также автор апеллирует к основным понятиям демократического государственного строя: правам и свободам человека, которые нарушает своими действиями Россия. В данном случае создается образ «угрожающей России», «нечестной России», «России-оккупанта», не подчиняющейся никаким законам. Помимо этого автор применяет здесь такой коммуникативный ход, как оппозиция «свой – чужие». При этом под «своими» понимается вся европейская территория, а также международные организации, осуществляющие контроль над порядком в странах. Так, в СМИ подчеркивается, что «Варшава не признает так называемой аннексии украинского полуострова и продолжает поддерживать территориальную целостность Украины в границах, признанных международным правом»; в данном случае автор апеллирует к авторитетным источникам, подчеркивая неправомерные действия РФ. Акцент делается и на эмоциональном восприятии поляками происходящего (используется собирательный МЫ-образ): «Сожалеем, что российские власти блокируют доступ к Крыму международных организаций, занимающихся монито-

рингом прав человека. *Мы осуждаем преследования*». В приведенных отрывках содержится стереотип о «чужой России», далекой от основных принципов Европы. Достаточно часто современными польскими СМИ используется прием сопоставления: «хорошие мы/плохая Россия».

В статье *«Путин считается только с силой»*, опубликованной на сайте «Радио Польша» 23 февраля 2017 года, автор приводит точку зрения польского депутата Малгожаты Госевской на внешнюю политику России: *«Польский депутат, которая недавно посетила линию фронта на востоке Украины, в частности, Авдеевку, отметила, что в Донбассе продолжается настоящая война... Сценарий событий (в Украине – ред.) в большой мере зависит от нас, от Запада. И здесь у Польши есть важное задание: мы должны громко говорить о том, что происходит на востоке Украины, быть послом этой страны. Это в наших же интересах. Мы должны противостоять тем тенденциям, благодаря которым санкции против Российской Федерации могут быть отменены. Владимир Путин считается только с силой», - сказала депутат правящей в Польше партии «Право и справедливость» Малгожата Госевская в интервью Польскому радио... «Мы должны помнить, что эта война идет, в принципе, недалеко от нас. Там постоянно гибнут люди, которые борются не только за Украину, но также за большую часть Европы», - подчеркнула она.*

Польский депутат Малгожата Госевская является автором доклада. Документ касается действий российских солдат... в тексте упоминаются несколько событий, произошедших в Крыму и в России, куда вывозили пленных.

Рапорт составлен на базе более 60 интервью, которые польские эксперты провели с пленными. Речь идет о таких преступлениях как лишение свободы, физические и психические пытки, ограбления и убийства. Часть материалов шокирует своей жестокостью».

В данном тексте стратегия дискредитации является основной, в рамках которой используется тактика обвинения. Автор винит президента РФ в ис-

пользовании силовых методов, в нежелании идти на конструктивный, мирный диалог. Для реализации тактики обвинения автор ссылается на доклад одного из депутатов Польши под названием «Российские военные преступления в Восточной Украине в 2014 году». Здесь автор прямо обвиняет Россию в тяжких преступлениях, нарушающих основные положения международного права. Так, автор упоминает о «лишении свободы, физических и психических пытках, ограблениях и убийствах», осуществляемых по отношению к пленным. Автор статьи дает свою характеристику преступным деяниям, описываемым в докладе Малгожаты Госевской, называя их «шокирующей жестокостью». Тем самым данный текст рассчитан на закрепление стереотипов «жестокой России», «России-захватчика», «России-врага», «агрессивной России».

И снова подчеркивается стереотипный образ «чужой России» («хорошие МЫ» – «плохие они»): *«Мы должны противостоять тем тенденциям, благодаря которым санкции против Российской Федерации могут быть отменены... Мы должны помнить, что эта война идет недалеко от нас»*. При этом с помощью повтора подчеркивается особая роль Польши в противостоянии России: *«МЫ должны»*. В приведенном фрагменте также подчеркивается стереотип «угрожающей России» («гибнут люди...недалеко от НАС»).

Статья *«Создание Войск территориальной обороны в Польше – это ключевое решение в связи с агрессивным российским империализмом»*, опубликованная на сайте «Радио Польша» 6 октября 2016 года, представляет собой мнение министра обороны Польши Антони Мацеревича об угрозах со стороны России: *«Надо посмотреть правде в глаза и прекратить обманывать поляков, это может завершиться драмой и национальной трагедией. Польше нужно сильное войско, нужна отвага в защите родины и готовность помочь нашим соседям, когда на них нападают, когда их землю захватывают российские оккупанты»*.

В тексте автор выдвигает обвинение России в агрессии, связанной с захватническими идеями империализма (вероятно, здесь мы видим отсылку к

присоединению Крыма к территории РФ, которое большинство стран считает незаконным). К тому же автор не исключает того, что подобная ситуация может повториться и с Польшей («это может завершиться драмой и национальной трагедией»). Данный коммуникативный ход можно считать весьма удачным, т.к. история взаимоотношений России и Польши насчитывает множество военных конфликтов, в том числе и захватнических войн. Таким образом, приведенная характеристика закрепляет стереотип «России-врага». В статье выдвигается предположение, что нападение России на территорию Польши неизбежно. В связи с этим звучит призыв к «созданию сильного войска, защите родины, готовности помочь соседям». И снова применяется излюбленный польскими СМИ термин «оккупация», а в сложившейся ситуации, в борьбе за свободу Европы особая роль отводится именно Польше. Тем самым создается стереотипный образ «России-оккупанта». Как и в предыдущих статьях, автор использует коммуникативную стратегию дискредитации, реализуемую с помощью тактики обвинения.

В следующей статье *«Глава НАТО: Бряцание ядерным оружием Россией необоснованно и опасно»*, взятой из «Gazeta Wyborcza» (17.06.2016), автор пишет следующее: *«Это бряцание ядерным оружием со стороны России является необоснованным, дестабилизирующим и опасным. И это одна из причин, почему мы увеличиваем боеготовность наших сил. Мы должны быть уверены, что наши силы будут готовы к любой угрозе»*.

И в заголовке, и в тексте использован фразеологизм «бряцать оружием» в значении «угрожать войной», который подкрепляется прямым обвинением в военной угрозе со стороны России («наши силы будут готовы к любой угрозе»). Для того чтобы подчеркнуть значимость этой характеристики, автор ссылается на мнение авторитетной личности, а именно на точку зрения главы НАТО. Также приведена характеристика действиям России по отношению к другим государствам («необоснованные, опасные, дестабилизирующие»), а меры безопасности Польши в таком случае являются вынужденными. Таким образом, с помощью стратегии дискредитации и тактики обвине-

ния данный текст формирует стереотип «угрожающей России», «России-врага», «России-захватчика».

В статье *«Мацеревич: Агрессивная политика РФ – самый серьезный вызов Европе»*, опубликованной на сайте «Радио Польша» 28 января 2016 года, автор приводит мнение известного польского политика А. Мацеревича: *«Польская сторона подчеркнула, что опасения вызывают агрессия России в Украине и угрозы, исходящие от РФ по отношению к Европе, а в особенности по отношению к балтийским странам»*.

В статье автор использует стратегию дискредитации образа России. Особое внимание акцентируется с помощью повтора на «политической агрессии» России по отношению к странам Европы, подчеркивается опасность «угрозы», исходящая от РФ. Т.е. посредством тактики обвинения создается образ «угрожающей России», «России-агрессора». Существенно, что данная точка зрения представлена польским министром национальной обороны, т.е. человеком компетентным в данной области, которому можно доверять.

Следующая статья *«За что поляки ненавидят Россию»*, взятая нами с сайта «Радио Польша» (29 мая 2017), посвящена смерти американского политолога, социолога и государственного деятеля польского происхождения Збигнева Бжезинского (1928 – 2017). Автор пишет: *«Я всегда восхищался Збигневом Бжезинским... Он был наиболее успешным противником имперской государственности России... Россия множество раз бросалась на поляков с криками о славянской любви. На самом деле она не отпускала поляков от себя не потому что любила, а потому что хотела за их счет приблизиться к сердцевине Европы со своими специальными имперскими чувствами. Ради всасывания Польши в себя Россия готова была на все что угодно, вплоть до Катыни...*

Россия отвечала ненавистью на ненависть поляков: потоком вранья, вплоть до утверждений, что Польша развязала Вторую мировую войну... Какая-то часть польской интеллигенции поверила Сталину на очень короткий срок... Бжезинский видел оппонента как агрессивную власть, настоян-

ную на бюрократии, коррупции, перекрестном страхе, незнании международных реалий... Польская мысль, судя по позиции Бжезинского, разрубает Россию пополам. Она ненавидит режим, который навязывает ей свои ценности вплоть до полного уничтожения польской самоидентичности».

В рамках стратегии дискредитации, реализуемой посредством тактики обвинения, автор подчеркивает, прежде всего, неискренность России по отношению к Польше, постоянный поиск выгоды: «Россия множество раз *бросалась* на поляков с криками о славянской любви. На самом деле она не отпускала поляков от себя не потому что любила, а потому что хотела за их счет *приблизиться к сердцевине Европы*», с этой целью в приведенном фрагменте используется переносное значение слова «бросалась», а также описание нечестных действий России по отношению к Польше, вызванное желанием достичь результата любым путем. Неоднократно подчеркиваются в тексте «имперские чувства» России в связи с посягательством на целостность других государств. Этим обусловлено и использование переносного значения слова «всасывание» («Ради *всасывания* Польши в себя»). Тем самым автор акцентирует внимание на некое территориальное и идеологическое поглощение Польши Россией, вызванное теми самыми империалистическими планами. К тому же подчеркивается и тенденция к навязыванию Россией *своих ценностей* «вплоть до полного уничтожения польской самоидентичности», что также указывает на желание России поглотить, поработить поляков, лишить их индивидуальных национальных черт. В данном контексте в качестве коммуникативного хода используется обращение к тяжелому историческому прошлому: упоминается одно из самых тяжелых исторических событий – Катынский расстрел, что способствует созданию отрицательного образа России. Таким образом, основные стереотипы, которые могут сформироваться посредством текста следующие: «Россия-враг», «нечестная, неискренняя Россия», «Россия-захватчик».

Также еще один из распространенных стереотипных характеристик образа России – это ее лживость, «поток вранья», который упоминается и в

данной статье. Подчеркивается и другой часто используемый стереотип, используемый польскими СМИ при описании России: «Россия-агрессор» («Бжезинский видел оппонента как *агрессивную власть*»). Существенное значение имеет и апелляция к авторитетному лицу, поскольку Збигнев Бжезинский достаточно известная личность в Польше, и его точку зрения на проблемы между СССР и Польшей разделяют большое количество поляков.

Все эти стереотипы формируются посредством стратегии дискредитации и тактики обвинения.

Из статьи, опубликованной на сайте «Радио Польша» 29 мая 2017, «*Ответный ход НАТО*» нами взят следующий фрагмент: «*Заявление президента Польши Анджея Дуды, касающееся продления нахождения батальонов НАТО на восточном фланге является продолжением заявления Дональда Трампа. Польша, как и США, опасается военной угрозы со стороны Российской Федерации.*

В данном случае НАТО сыграло очень красиво, поскольку предпринимает ответные шаги на действия России, а не является инициатором этой гонки вооружений. НАТО принимает ответные шаги на угрозы со стороны Российской Федерации, в том числе и военной угрозы.

России выдвигается обвинение в «военной угрозе», при этом лексема «угроза» употребляется три раза, с целью укрепления образа «угрожающей России». Все военные действия, предпринимаемые НАТО, являются лишь реакцией на агрессию со стороны России, своего рода защитным механизмом. Статья направлена на дискредитацию образа России.

В статье под названием «*Мечты Кремля о великодержавии*», опубликованной на сайте «Радио Польша» 29 мая 2017, автор так характеризует деятельность В. В. Путина: «*Владимир Путин сделал военную силу центром российской внешней политики... Металл, несущий смерть, мчится на большой скорости по улицам, ликование и восторг зрителей... За несколько недель до ежегодного Парада Победы 9 мая российская армия отрабатывает хореографию в центре Москвы... В последние годы масштабы парада снова*

выросли, по мере того как Россия стала больше воевать, сначала на Украине, а теперь и в Сирии.

Эти войны привели к глубокому расколу и недоверию между Россией и остальной Европой, но на московских тротуарах политику силы встречают аплодисментами. Несмотря на осуждение окружающего мира, большинство россиян считают внешнюю политику Владимира Путина успешной».

Не в первый раз при описании образа России встречается указание на силовые методы решения или, как в приведенном фрагменте, на «военную силу», «политику силы». Это создает образ «сильной России», но действующей силовыми методами не в благих целях. И в данном случае подчеркивается умение решать вопросы только боевыми действиями («Россия...стала больше воевать»), что вызвано «мечтой о великодержавии», а в погоне за этой мечтой Россия готова использовать любые методы. В статье идет описание празднования в России Дня Победы, но характеризуется мероприятие своеобразным способом. Так, технику, участвующую в параде Победы, автор называет «металлом, несущим смерть», который вызывает «ликование и восторг зрителей». А неумение решать проблемы мирным путем одобряется жителями страны: «на московских тротуарах *политику силы* встречают аплодисментами». Таким образом, несправедливая политика президента, которая вызывает недовольство большинства стран Европы, вызывает одобрение россиян: «Несмотря на осуждение окружающего мира, большинство россиян считают внешнюю политику Владимира Путина успешной». Именно эта статья доказывает нашу точку зрения о том, что большинство поляков связывают образ русских с деятельностью В. В. Путина. Присутствует в данном отрывке и прием противопоставления «свой-чужие», где под «своими» понимается вся Европа, а под «чужими» - Россия, ее лидер и население. данный коммуникативный ход акцентирует внимание на положительном образе «своих» и отрицательном образе России.

Используя стратегию дискредитации и тактику обвинения, автор создает образ России, как сильной военной державы, но ее военная мощь вызывает опасения у большинства европейских стран, в том числе и у Польши, т.к. применяется она, как правило, с захватническими целями.

В статье, опубликованной на сайте «Радио Польша», *«Нет веры в изменения в России»* (22.05.2017) автор пишет о выборах в РФ и о возможной агрессии на страны Балтии, а также об аннексии Крыма: *«Если бы президентские выборы в России были честными, Владимир Путин проиграл бы их во втором туре с любым кандидатом... Если агрессивного лидера, каким является Путин, не остановят в Украине, если ему простят так же, как Запад простил Грузию...выгодным местом такой агрессии может стать город Нарва, который находится на границе с Россией и где 98% населения является русскоязычным... аннексия Крыма противоречит закону».*

Как видно из приведенного фрагмента, автор подчеркивает «агрессию» лидера и считает его нечестным политиком, способны сфальсифицировать результаты голосования и прийти к победе любым путем. Такими же методами он действует и в отношениях с другими государствами. Помимо этого автор не согласен с присоединением Крыма, он называет данную процедуру, «противоречащей закону». Т.е. приведенный фрагмент способен сформировать представление о России, как об «агрессивной» стране (мы выяснили с ассоциативном эксперименте, что большинство поляков связывает образ России, главным образом, с лидером, с Путиным). В этом же отрывке содержится образ «России-захватчицы», незаконно присоединившей территорию Крыма. В данном случае в очередной раз мы можем наблюдать апелляцию автора к закону, данный коммуникативный ход применяется польскими СМИ часто, это подчеркивает незаконность действий России в ведении внешней политики, что, безусловно, помогает сохранять в сознании поляков отрицательный образ РФ. Описание действий России в данном фрагменте строится на использовании тактики обвинения в рамках стратегии дискредитации.

В статье *«Министр обороны: Империалистическая угроза со стороны РФ по-прежнему актуальна»*, опубликованной в польской газете «Gazeta Wyborcza» (08.05.2017), речь идет об империалистических идеях России. Приведем необходимый для нашего исследования фрагмент работы: *«Во время церемоний по случаю 72-й годовщины окончания Второй мировой войны в Европе Антони Мацеревич заявил, что РФ навязывает свою волю другим странам. Министр обороны Польши Антони Мацеревич заявил, что империалистическая угроза со стороны России сегодня так же актуальна, как несколько десятков лет назад... «Сейчас снова Польша, Европа и весь мир столкнулись с попыткой уничтожения миропорядка. Они столкнулись с государством, которое считает, что обладает правом менять границы, правом навязывать свое правление тем, кто слабее, диктовать Европе и миру свою волю».*

Образ РФ рисуется автором с помощью стратегии дискредитации, посредством тактики обвинения. При этом используются разные коммуникативные ходы. Так, автор неоднократно подчеркивает, что приведенная в тексте информация исходит из уст министра обороны Польши, т.е. человека, который посвящен во все детали сложившейся напряженной военной ситуации в мире, авторитетного лица. В свою очередь, Антони Мацеревич говорит об «империалистической угрозе» со стороны России, о «навязывании своей воли» другим государствам. На основе такой характеристики у аудитории формируется образ «угрожающей России». Также присутствует и образ «сильной России», но сила государства заключается лишь в том, что оно способно «навязывать» свое правление тем, кто слабее. В данном фрагменте автор прибегает к еще одному коммуникативному ходу: упоминание тяжелого исторического прошлого. Министр обороны, говоря об угрозе, напоминает, что Россия действовала такими методами и «несколько десятков лет назад», при этом не уточняется, о каком именно историческом событии идет речь. Но история взаимоотношений России и Польши, а тем более Европы и России, насчитывает множество конфликтов, поэтому у любого читающего этот текст в

памяти возникнет наиболее трагическое событие, главным действующим лицом которого будет Россия.

Следующий фрагмент из статьи *«Россия в очередной раз наложила вето на резолюцию Совбеза ООН по вопросу Сирии»* (13.04.2017), опубликованной на сайте «Радио Польша»: *«Россия наложила вето на резолюцию Совета Безопасности ООН по вопросу Сирии. В поданном США, Великобританией и Францией проекте документа осуждается химическая атака в Хан Шейхуне, провинция Идлиб, и говорится о проведении срочного расследования этого инцидента... В дискуссии, предшествовавшей голосованию, постоянный представитель Великобритании при ООН Мэтью Райкрофт выразил убежденность в том, что любая страна, которая хочет выяснить обстоятельства трагедии в Сирии, должна поддержать резолюцию. Однако Россия наложила вето на проект, утверждая, что документ не гарантирует объективного расследования... Решение России раскритиковал французский посол, обвинив Москву в защите диктатора Башара аль-Асада».*

В данном примере основной коммуникативный ход – применение оппозиции «свой-чужие»: положительный образ «МЫ» («любая страна, которая хочет выяснить обстоятельства трагедии в Сирии, должна поддержать резолюцию») и отрицательный образ России, противостоящей другим государствам («Однако Россия наложила вето на проект»). И вновь звучит открытое обвинение в адрес Москвы в «защите диктатора», то есть обвинение в поддержке жестокой власти. Таким образом, в данном фрагменте содержится стереотип о «чужой России», о «России-враге», о «жестокой России».

Тема конфликта в Сирии звучит и в другой статье из газеты «Gazeta Wyborcza»: *«СМИ: Лондон добивается введения новых санкций против России из-за Сирии»* 10.04.2017.: *«Лондон будет давить на своих западных партнеров с целью ввести новые санкции против РФ, если Кремль не перестанет поддерживая сирийский режим, пишет The Times».*

По официальной версии западных СМИ режим Асада в Сирии является жестоким, незаконным. В свою очередь, поддержка этого режима Россией создает образ «чужой России» (МЫ – против режима, а Россия – поддерживает), «жесткой России». В данном фрагменте реализуется стратегия дискредитации, применяемая тактика – тактика обвинения.

Этой же проблеме посвящена следующая статья, опубликованная на сайте «Радио Польша»: *«Совбез ООН: США возложили на РФ ответственность за атаку в Сирии» (05.04.2017) : «Спор в Совете Безопасности ООН по Сирии. США, Франция и Великобритания обвинили Россию в ответственности за атаку в Идлибе с применением химического оружия, в результате которой погибли по меньшей мере 72 человека, включая женщин и детей... Американский посол в ООН Никки Хейли упрекнула Россию в блокировании твердых решений по Сирии... Россия идет по пути урегулирования отношений с сирийским правительством. Таким образом, она закрыла глаза на варварство. Россия не может уйти от ответственности за то, что произошло».*

Основная стратегия, применяемая в тексте – это стратегия дискредитации, реализуемая посредством тактики обвинения. России выдвигается прямое обвинение в: *«ответственности за атаку в Идлибе с применением химического оружия»*. Таким образом, из-за поведения России в отношении сирийского конфликта, из-за *«блокирования твердых решений по Сирии»* произошла трагедия, унесшая жизни 72 человек. Подобная характеристика создает стереотип «России-убийцы», «чужой России» (МЫ были за свержение режима Асада, а Россия его поддержала). Помимо этого подчеркивается и поддержка «варварства» сирийской власти, тем самым акцентируется внимание на то, что Россия пытается сохранить грубое, нецивилизованное правление, существующее в данный момент в Сирии.

В следующей статье *«Кремль не соглашается с обвинениями польских прокуроров»* автор использует стратегию дискредитации и тактику обвинения. Материал взят с сайта «Радио Польша» 03.04.2017. Приведем фрагмент,

включающий в себя описание образа России: *«Национальная прокуратура Республики Польша требует, чтобы российские следователи в рамках так называемой юридической помощи выдвинули обвинения авиадиспетчерам из Смоленска, которые работали 10 апреля 2010 года, в день, когда разбился президентский самолет ... диспетчеры должны ответить за умышленное доведение до катастрофы в воздушном движении».*

Обвинения, выдвигаемые России в авиакатастрофе под Смоленском, встречаются довольно часто в польских СМИ. При этом звучит одна и та же формулировка обвинения: «умышленное доведение до катастрофы в воздушном движении». Данная характеристика создает образ «России-убийцы».

В статье *«DGP: «Франция не прогнется, пока Россия не изменит свою внешнюю политику»*, опубликованной на сайте «Радио Польша» (29.05.2017), содержится следующий фрагмент, описывающий образ России и его лидера: *«Франция является одной из стран, которые больше всего хотят наказать Россию за ее действия в Украине и Сирии. Париж может себе позволить идти на конфронтацию. В отличие от Германии, Франция еще во времена президента Франсуа Олланда начала отказываться от общих проектов с Кремлем», - читаем в статье под названием «Путин напросился в Париж».*

Как видно уже из заголовка, основные претензии правительства Франции связаны с внешней политикой России. Иначе говоря, положительные сдвиги во взаимоотношениях между Россией и Польшей не произойдут, пока не будет изменений со стороны РФ в области внешней политики, выгодной Западу. В данной статье упоминается о действиях России в «Украине и Сирии». Напомним, что по официальной версии западных СМИ присоединение Крыма – это оккупация, а действия в Украине – агрессия. В случае с Сирией – это поддержка жестокой власти и препятствие прекращению военных действий. Т.е. все перечисленные в статье действия внешней политики России явно заслуживают «наказания». Название статьи указывает на нежелательность появления на встрече такой персоны как Путин. Но сам президент РФ не желает этого замечать и ведет себя крайне навязчиво, буквально «напра-

шивается» на встречу с новым президентом Франции Эммануэлем Макроном. Скорее всего, подобное отношение связано с серьезными разногласиями в сфере внешней политики двух стран. Анализ языкового материала позволяет сделать вывод, что в данном случае формируется образ России, поступающей незаконно, не так как все остальные («чужая Россия», «Россия поступает неправильно в сфере внешней политики, МЫ ее накажем»), т.е. тактика обвинения. Также создается стереотип «навязчивого лидера», проецирующийся на образ всей России, создающийся с помощью уничижительного тона. В данном случае автор использует стратегию дискредитации.

В отрывке из статьи *«Грузия превращается в настоящую жемчужину Кавказа»*, опубликованной на сайте «Радио Польша» (31.05.2017) представлено интервью с польским политическим деятелем Анджеем Дуда, который, рассуждая о современных проблемах Грузии, говорит, что *«Россия никогда не уступит Грузии эти территории [Южную Осетию и Абхазию], поскольку это очень полезный и необходимый для нее инструмент влияния»*.

В приведенном фрагменте Анджеем Дуда обвиняет Россию в использовании исторически чужой территории в своих целях, тем самым дискредитируя образ страны. Целью же является «влияние», что, с одной стороны, подчеркивает ведущее значение России в мировой истории, но, с другой стороны, ее влияние всегда проявляется в подавлении более слабых, а «инструментом» влияния чаще оказываются чужие территории, отобранные незаконно с помощью военной силы. Таким образом, формируется стереотип «влиятельной России», но представлен он отрицательно.

В статье под названием *«Опрос: Все больше россиян оправдывают сталинские репрессии»*, опубликованной на сайте «Радио Польша» 23 мая 2017 года, автор так характеризует русских и политического лидера России: *«Это люди, которые не просто находятся двумя ногами в прошлом, у них нет шанса выйти в будущее, поскольку они не могут стать прекрасными душой внутри. Это, к сожалению, болезнь политической элиты России»*, - сказал он.

Аналогичного мнения придерживаются социологи «Левада-Центра», которые подчеркивают, что после агрессии в Украине и охлаждения отношений с Западом российская пропаганда вызвала у общества тоску по правительству «твердой руки», что соответствует сталинским мифам о суровом, но справедливом лидере».

В данном фрагменте содержится уже традиционный для польских СМИ стереотип об «агрессивной России», что связывается с действиями РФ в Украине. Также автор прибегает и к нравственной оценке политической элиты России. Т.к. в нее, безусловно, входит и В. В. Путин, то можно сделать вывод, что характеристика этой самой «болезни» сформирует и аналогичной представление о России, как о стране с отсутствием «прекрасного в душе». Иначе говоря, с помощью апелляции к моральным нормам, автор рисует образ «бездушной России». Автор использует вспомогательную тактику прогноза, по его мнению, это болезненное состояние российской элиты приведет к тому, что у нее не будет «шанса выйти в будущее». И вновь проявляется оппозиция «свой-чужие», поскольку именно это «бездушие» России и стало причиной «охлаждения отношений с Западом», по всей видимости, более нравственным и душевным. Также в статье неоднократно упоминается имя Сталина, а в завершении статьи автор характеризует политика как «сурового, но справедливого лидера». Именно по такому руководителю и «тоскуют» россияне, из этого можно сделать вывод, что в данный момент сурового, но справедливого президента у нас нет. Если связать этот вывод с представлением о «бездушной политической элите России», то можно предположить, что, по мнению автора, в современной России наблюдается полное отсутствие справедливого лидера, именно поэтому Россия действует так безжалостно, сурово в сфере внешней политики. Таким образом, в данном тексте с помощью доминирующей тактики обвинения, реализуемой в рамках стратегии дискредитации, формируется стереотип «бездушной, несправедливой, чужой по нормам морали России».

Как показал анализ статей, стратегия дискредитации является для русскоязычных польских СМИ, описывающих образ России, доминирующей. По О. С. Иссерс «Дискредитация — это подрыв доверия к кому-, чему-либо, умаление авторитета, значения кого-, чего-либо [Иссерс 2006: 276]. Тактика обвинения является основной для реализации данной стратегии.

Таким образом, по результатам анализа русскоязычных польских СМИ, можно сделать следующие выводы: разграничение «своих» и «чужих», создание образа «МЫ- группы» через очернение противника — достаточно традиционный прием русскоязычных польских СМИ по отношению к образу России.

Также при описании образа России преобладают негативные характеристики. Достаточно часто описываются события в Украине и Сирии, где ключевая роль отводится именно РФ, как основной агрессивной силе, которая не подчиняется никаким законам, из-за чего дестабилизирует обстановку в мире. Так, присоединение территории Крыма к России, по официальной версии западных СМИ, является нарушением закона, оккупацией. Как можно увидеть из анализа, польские СМИ не являются исключением, более того, в статьях посвященных роли России в конфликтах, связанных с Сирией и Украиной, русскоязычные польские СМИ часто обращаются к самым тяжелым историческим событиям между нашими государствами, в которых Россия представлена как «оккупант», «убийца», «агрессор», «основная угроза» суверенитету и национальной самоидентификации Польши. Самым трагичным моментом в истории Польши является Катынский расстрел. Несмотря на то, что этому событию больше 70 лет, в текстах польских СМИ данная тема является актуальной, животрепещущей, до сих пор вызывающей споры. Единственное, в чем сходятся авторы статей о Катыне — это бесспорная вина России в убийстве польских офицеров. В адрес России звучат обвинения в «геноциде», «в жестоком расстреле», «в кровавом убийстве», что формирует образ «жестокой России», «России-убийцы». Этот стереотип способна сформировать та информация, которая представлена в польских СМИ относи-

тельно авиакатастрофы под Смоленском. В статьях представлена официальная версия польских властей о том, что это было умышленным доведением до катастрофы в воздухе.

Еще один формируемый стереотип – это представление о России как о «лживой», «хитрой стране», действующей для достижения результатов любыми методами, в том числе подавлении более слабых государств (в том числе и Польши). В данном случае считается стереотип «сильной России», но сильной в военном плане, применяющей силу не в благородных целях, а для удовлетворения собственных амбиций.

Апелляция к авторитетным лицам и авторитетным источникам (например, таким, как международное право или Декларация о правах человека), обращение к тяжелому историческому прошлому, оппозиция «свои-чужие», являются основными коммуникативными ходами, помогающими сформировать отрицательный образ России.

Следует отметить, что все эти стереотипы имеют историческую основу, все они сложились в результате длительного взаимодействия России и Польши, что можно увидеть по результатам параграфа **«Исторические события как источник формирования национальных стереотипов»**.

Помимо этого, приведенные выше стереотипы на протяжении долгого времени закреплялись в сознании польской нации благодаря фольклору и литературе, что представлено в параграфе **«Фольклор и литература как источники формирования национальных стереотипов»**. Таким образом, современные польские СМИ продолжают формирование отрицательного стереотипного образа России и русских на основе более ранних материалов.

3.2. Стереотипный образ России и русских в национальном сознании поляков

Как уже отмечалось, СМИ оказывают активное влияние на сознание аудитории, что тесно связано с понятием «речевого воздействия», которое реализуется с помощью коммуникативных стратегий и тактик, используемых при описании какого-либо явления. По результатам анализа статей из русскоязычных польских СМИ, можно увидеть, что посредством стратегии дискредитации и тактики обвинения, создается негативный стереотипный образ России. Нами была выдвинута **гипотеза** о том, что большинство стереотипов о России и русских, формируемых польскими СМИ, найдут отражение в сознании польской нации.

Для выявления стереотипного образа России и русских в сознании поляков был проведен ассоциативный эксперимент и метод измерения семантического дифференциала.

В эксперименте принял участие 101 представитель польской нации в возрасте от 17 до 52 лет. Им была предложена следующая анкета:

1. Дайте не больше трех ассоциаций к слову «Россия».
2. Напишите известные вам пословицы, поговорки, устойчивые выражения или анекдоты, в которых присутствует образ России или русского(их).
3. Какие литературные персонажи-русские вам известны.
4. О каких исторических событиях, связанных с Россией и Польшей, вы помните.
5. Напишите несколько словосочетаний со словом «русский(ие)».

В ядро ассоциативного поля первого задания представленного эксперимента вошел ответ «Путин». Так ответили 44 поляка.

В зону ближней периферии попали следующие реакции: Кремль (33), Украина (31), Крым (28), Катынь (28), угроза (25), алкоголь (24), война (20), агрессор (20), Смоленск (19). При этом нужно отметить, что в случае с Катынью были даны разные варианты обозначения реакции: Катнынский геноцид (8), Катынское преступление (4), расстрел поляков в Катыни (2), русские убили поляков в Катыни (1), которые следует отнести к менее частотным реакциям.

К зоне дальней периферии следует отнести следующие реакции на стимул «Россия»: враг (11), санкции (10), война в Сирии (10), катастрофа (10), оккупация (10), обман (10), кровь (9), варвары (9), Трамп (9), опасность (8), разделы Польши (8), предатель (7), русские (7), пьяницы (6), бедность (6), Москва (5), водка (5), русский язык (5), Достоевский (4), огромная страна (4), друг (2). Единичные реакции: Пушкин, грязь, миллион, Красная площадь, фотография, Сибирь, матрешка, Чайковский, пустота, деревня, революция, яблоко, Волга, черный, новости, курорт, шуба, оливье, карта, МГУ, стена, Николай II, атомная бомба, дура, москаль, снег, Китай, Лавров, салют, лес, Санкт-Петербург, точка, Первая мировая война, деньги, газ, танк, Иван, надоеда, большая, тыква, лапти, православная страна, богатство, много, ложь, боль, хозяйство, глупые люди, самолет, история, болото, высота, валенки, кедр, жестокость, плен, стрелять, США, лед, оружие.

В ядро ассоциативного поля поговорок, пословиц, анекдотов вошла пословица «Велика Россия, а для правды места нет» с частотностью 23.

В зоне ближней периферии: «Должен – это на Руси, а в Польше кто как хочет» (11), «Русский обнял поляка железными руками» (10).

В зоне дальней периферии: поговорка «Россия – это состояние души» (4); анекдот: «С кем граничит Россия? – С кем хочет» (1).

Среди русских литературных персонажей наиболее часто указывалась героиня романа Л. Н. Толстого Анна Каренина (49). Этот ответ попал в ядро данного ассоциативного поля.

В зоне ближней периферии оказались: Родион Раскольников из произведения Достоевского «Преступление и наказание» (40), главный герой романа Пушкина «Евгений Онегин» (30), Андрей Болконский из произведения Л. Н. Толстого «Война и мир» (26), князь Мышкин из произведения Достоевского «Идиот» (24), Алексей Карамазов из «Братьев Карамазовых» (24).

В зону дальней периферии оказались следующие литературные герои: Наташа Ростова из «Войны и мира» Толстого (10), главная героиня пьесы «Вишневый сад» Любовь Раневская (8) Татьяна Ларина из «Евгения Онегина» (5), главный герой поэмы «Мертвые души» Чичиков (4), Евгений Базаров, герой романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (4).

Самый частотный ответ на вопрос о событиях, связывающих историю Польши с историей России – Катынь. И в данном случае, как в первом вопросе эксперимента, были даны разные характеристики этого события: Катынский расстрел, Катынское преступление, Катынь, поляки были расстреляны русскими в Катыне, геноцид в Катыни, расстрел в Катыни, жестокое убийство поляков в Катыни, Катынское злодеяние. Данное историческое событие указали в своих анкетах 61 человек.

В зону ближней периферии попали следующие события: разделы территории Речи Посполитой (48), Варшавская битва (45), Вторая мировая война (43), захват Москвы поляками (39), введение коммунизма в Польше (32), война (31).

В зону дальней периферии вошли: Польское восстание (10), введение санкций (5), Освенцим (4), борьба с русскими захватчиками (4), Иван Сусанин (4), русско-польские войны (4), приход на престол Лжедмитрия (2), во времена СССР Поляки были убиты, избиты, убиты Россией (1), все события драматичны и печальны для Польши (1), связь поляков с Древней Русью (1), убийства поляков (1).

В последнем вопросе ассоциативного эксперимента наиболее часто встречалось словосочетание «агрессивный русский» (39).

В зону ближней периферии, достаточно близкой в количественном плане к ядру данного ассоциативного поля вошли следующие словосочетания: пьющий русский с частотностью (30), русские завоеватели (30), русские воюют (27), русские захватчики (25), глупые русские (24), русские оккупанты (23), наглые русские (20), русская зима (20), хитрый русский (19), русское оружие (18), вторжение русских (16).

В зоне дальней периферии: русские туристы (12), злой русский (10) грубый русский (8), русские лентяи (8), русская еда (6), российский жулик (6), русская беднота (5), русские лезут куда не надо (5), русская душа (4), русская политика (3), от русских одни проблемы (2), русский мат (2), веселые русские (1), русский Иван-дурак (1), русская народная песня (1), русский колодец, пусть каждый русский «свалит» из нашей страны (1), русские бесят (1), русские вверглись в Украину (1), в России много пьют (1), русские шумно отдыхают (1), русская литературная классика (1), русская рыбалка (1), русские любят воевать (1), русский солдат (1), русские ведут себя подло (1).

Анкета и все реакции на предложенные стимулы находятся в Приложении 3.

Проанализируем ответы, вошедшие в ядра ассоциативных полей ответов эксперимента. 44 респондента на стимул «Россия» привели реакцию «Путин». В этом случае сложно определить положительную или отрицательную окраску данной ассоциации. С одной стороны, такой большой показатель (43,5 %, т.е. почти половина респондентов) свидетельствует о популярности нашего президента, его авторитете и ведущем месте на мировой политической арене. С другой стороны, в свете последних политических событий, таких как военные беспорядки в Украине, присоединение Крыма и Севастополя к России, которое возмутило большую часть Европы, высказывания В. В. Путина о ситуации в Украине, ДНР и ЛРН, санкции, президентские выборы в США, военные действия в Сирии и освящение всех этих событий в западных СМИ, образ российского президента можно считать для поляков негативным, что доказывают некоторые менее частотные реакции на стимул

«Россия», имеющие негативную стилистическую окраску и связанные с внешней политикой России и деятельностью В. В. Путина. К ним следует отнести следующие ассоциации: угроза (25), оккупация (23), война (20), агрессор (20). К тому же, многие реакции на стимул «русский» напрямую связаны именно с политикой и также несут в себе отрицательное значение. Например, русские завоеватели (30), русские воюют (27), русские захватчики (25), русские оккупанты (23). Все эти характеристики образа России и русских уже встречались нам при анализе русскоязычных польских СМИ. Из этого можно сделать следующий вывод: образ России и русских напрямую ассоциируется с лидером нашей страны, ключевую роль в создании определенного стереотипа играют политические связи с Россией, действия президента и освящение и его деятельности в СМИ, которое носит преимущественно негативную окраску и формирует в сознании поляков отрицательные стереотипы о России и русских. Например, Россия – страна «оккупант», «завоеватель», «захватчик», «агрессор», «угроза».

Во втором вопросе эксперимента пословица «Велика Россия, а для правды места нет» с частотностью 23 (или 22,7 %) раскрывает стереотип о лживости русских, склонности к обману. Этот стереотип начал формироваться еще в XIII в., во времена разделов территории Речи Посполитой. И во многих современных текстах СМИ, проанализированных нами в предыдущей главе, при описании образа России употребляются такие лексические единицы, как «ложь», «обман», «неправда».

Если обратиться к реакциям из зоны ближней периферии, то можно выявить следующие устойчивые представления о русских и о России: пословица «Должен – это на Руси, а в Польше кто как хочет» (11) содержит стереотип о невольном, несвободном русском, зависимом от деспотизма власти и готовом сносить все тяготы жизни. В противопоставление несвободе русских ставится польская свобода, независимость. Данный стереотип, как видно из обозначения государств, берет свое начало примерно с XIV в., в период начала формирования стереотипа о русских как об отдельном народе.

Следующая поговорка из зоны ближней периферии «Русский обнял поляка железными руками» (10) содержит отрицательный стереотип русского захватчика, завоевателя, поработителя, прикрывающегося благими целями, «дружбой» (о чем свидетельствует слово «обнял» с лексическим значением «1. Заключил в объятия, обхватил руками, выражая радость, ласку. О. друга, ребенка. 2. перен. Охватил в полном объеме, постигнул, понял»). Негативную окраску данному выражению придает яркий эпитет «железными руками», указывающий на жесткие меры, применяемые Россией в отношении Польши. Стереотип начал формироваться в период соперничества Польши и Московского государства, но кульминационной точки развития он достиг в XX веке, когда СССР пытался «навязать» коммунистические идеалы многим странам Восточной Европы (в том числе и Польше) и дружба между двумя странами являлась вынужденной мерой. Подобные стереотипы лживой России, добивающейся своих целей с помощью «железных рук» объемно представлены и в СМИ, правда, в более расширенном варианте. По версии ведущих польских изданий, от незаконного вмешательства России страдает не только Польша, но и Украина, и Сирия, и США, и в целом вся территория Европы.

В ядро ассоциативного поля третьего вопроса в анкете вошел ответ «Анна Каренина». В данном случае сложно отметить какое-либо влияние героини романа Л. Н. Толстого на общую характеристику русского народа в целом (или женской его части). По-разному оценивается образ героини в работах различных литературоведов, поэтому в данном случае целесообразно говорить о популярности этого романа с точки зрения его вклада в развитие всей мировой культуры, как одного из литературных шедевров русского писателя. При анализе образа Анны Карениной слишком велика вероятность субъективной характеристики. В пользу того, что полякам нравится русская литература, могут говорить такие приведенные ассоциации, как Достоевский (4), Пушкин, русская литературная классика.

Основным историческим событием, характеризующим взаимоотношения России и Польши, по мнению поляков, является Катынь. 60, 4% респондентов указали в своих анкетах данный исторический факт. Если обратиться к истории, то Катынью называют события, связанные с трагической судьбой граждан довоенной Польши, пропавших на территории Советского Союза в 1939 – 41 гг. Самую многочисленную категорию среди них составляли бывшие польские офицеры. Согласно рассекреченным в 1992 г. документам ЦК ВКП(б) и НКВД-КГБ СССР считается, что 21857 пленных польских офицеров, полицейских, государственных чиновников и представителей интеллигенции, находившихся в советских лагерях и тюрьмах, в 1940 г. были расстреляны сотрудниками НКВД в Катынском лесу под Смоленском. С тех пор «Катынь» не только географическое название – это своего рода водораздел в польско-российских отношениях. По этой проблеме высказывались многие известные польские политические и общественные деятели, писатели, люди творческих профессий. Так, в частности, польский писатель Петр Кунцевич в своем открытом письме президенту Путину в варшавской газете «Трибуна» в марте 2006 г. написал: «Катынь — это уже не локальная проблема, пусть даже самая важная, это опорочивание славянской семьи перед всем миром» [Швед: URL]. Или, например, бывший президент Польши, трагически погибший при крушении самолета, направлявшегося в Смоленск ко дню траурной даты катынского расстрела, Л. Качиньский неоднократно в своих выступлениях подчеркивал, что Катынь – основная проблема отношений между Россией и Польшей, болезненная тема, от решения которой зависят будущие политические связи с Россией [Швед: URL].

Катынская трагедия стала краеугольным камнем сложившейся в Польше общенациональной пропагандистско-идеологической системы. Ежегодно проводятся десятки мероприятий, посвященные Катыни. Во многих польских городах имеется улица «Героев Катыни», гимназия «имени Жертв Катыни», местный «Катынский крест» и т. д.

Подобная пропаганда не могла не повлиять на создание и, что самое главное, закрепление стереотипа русского-врага, убийцы. К тому же существует версия о том, что Катынский расстрел был актом геноцида польского народа, которая еще сильнее усугубляет положение и достраивает в сознании польской общественности описанный выше стереотип. Об этом свидетельствуют, в частности, ответы из анкеты: Катынский расстрел, Катынское преступление, поляки были расстреляны русскими в Катыне, геноцид в Катыни, расстрел в Катыни, жестокое убийство поляков в Катыни, Катынское злодеяние. Все эти характеристики достаточно часто, как видно из приведенных выше текстов, используются русскоязычными польскими СМИ. Ухудшают ситуацию статьи, освещающие авиакатастрофу под Смоленском 2010 года, в которой погиб президент Польши Лех Качиньский. Польская сторона напрямую выдвигает обвинения России не только в «отсутствии сотрудничества», но даже о «соучастии в катастрофе», об «умышленном доведении до катастрофы», что закрепляет в польском сознании образ «России-врага», «русских-убийц».

В последнем вопросе ассоциативного эксперимента наиболее часто встречалось словосочетание «агрессивный русский» (39).

В зону ближней периферии, достаточно близкой в количественном плане к ядру данного ассоциативного поля вошли следующие словосочетания: пьющий русский с частотностью (30), русские завоеватели (30), русские воюют (27), русские захватчики (25), глупые русские (24), русские оккупанты (23), наглые русские (20), русская зима (20), хитрый русский (19), русское оружие (18), вторжение русских (16).

В зоне дальней периферии: русские туристы (12), злой русский (10), грубый русский (8), русские лентяи (8), русская еда (6), российский жулик (6), русская беднота (5), русские лезут куда не надо (5), русская душа (4), русская политика (3), от русских одни проблемы (2), русский мат (2), веселые русские (1), русский Иван-дурак (1), русская народная песня (1), русский колодец, пусть каждый русский «свалит» из нашей страны (1), русские бесят

(1), русские вверглись в Украину (1), в России много пьют (1), русские шумно отдыхают (1), русская литературная классика (1), русская рыбалка (1), русские любят воевать (1), русский солдат (1), русские ведут себя подло (1).

Ядро ассоциативного поля словосочетаний и предложений со словом «русский» составило словосочетание «агрессивный русский» с частотностью 39 (38,6 %, респондентов). Такая характеристика часто применяется в текстах польских СМИ, связанных с Россией. Если же обратиться к зонам ближней и дальней периферии, то можно заметить значительное превосходство негативных характеристик, отрицательных стереотипов. Например, пьющий русский с частотностью (30), русские завоеватели (30), русские воюют (27), русские захватчики (25), глупые русские (24), русские оккупанты (23), наглые русские (20), хитрый русский (19), вторжение русских (16), злой русский (10), грубый русский (8), русские лентяи (8), российский жулик (6), русская беднота (5), русские лезут куда не надо (5), от русских одни проблемы (2), русский мат (2), пусть каждый русский «свалит» из нашей страны (1), русские бесят (1), русские вторглись в Украину (1), в России много пьют (1), русские любят воевать (1), русские ведут себя подло (1).

Из анализа наиболее частотных ответов на ассоциативный эксперимент можно сделать следующие предварительные выводы: большое число стереотипов формируются под влиянием политической ситуации и напрямую связаны с характером освещения ее в СМИ. Так, образ всех русских ассоциируется непосредственно с действиями президента России, с его образом и представлением о нем, на которое накладывает отпечаток информационная система Польши и Запада в целом. Данный факт подтверждают результаты анкеты из зоны ближней и дальней периферии. Также, исходя из анализа самых частотных ответов, можно сказать, что в сознании польской нации существует значительное количество отрицательных национальных представлений, например, основные стереотипные образы России – это страна «оккупант», «завоеватель», «захватчик», «агрессор», «враг», «убийца». Но по количеству приведенных авторов, их лучших произведений и героев книг, можно гово-

речь о равнодушии поляков к культуре России, к выдающимся памятникам литературы нашей страны. Правда, какой-то определенный, конкретный стереотип в данном случае выявить сложно, так как велика вероятность проявления субъективной оценки при выявлении характеристик того или иного литературного персонажа.

Для более точного доказательства этих предварительных выводов была проведена методика семантического дифференциала с целью выявления наличия или отсутствия тех или иных стереотипов о России в сознании поляков. Опрос проводился по следующим шкалам: плохая – хорошая, хитрая – наивная, жадная – щедрая, глупая – умная, чужая – близкая, злая – добрая, агрессивная – спокойная, лживая – честная, враг – друг, вспыльчивая – уравновешенная, бедная – богатая, высокомерная – скромная, трусливая – смелая, предатель – патриот, терпеливая – сопротивляющаяся, сильная – слабая, рассудительная – безрассудная, пьяная – трезвая.

Процедура проведения эксперимента с помощью этой методики заключается в следующем. Испытуемым предъявляется слово, и они должны отметить цифру, которая соответствует их представлению о слове «Россия». На каждой шкале нанесена градация от +2 до -2. Каждой цифре соответствует определенная характеристика. Возьмем для примера шкалу «хороший – плохой»: +2 – хороший; + 1 – скорее хороший, чем нейтральный; 0 – нейтральный; - 1 – скорее плохой, чем нейтральный; - 2 – плохой.

Суть эксперимента заключается в том, что полярные определения образа России оказываются как бы в разных точках семантического пространства. Разумеется, каждый испытуемый будет фиксировать не только ментальные стереотипные представления, но и личный опыт. В среднем при таком большом числе испытуемых будет получена общественно закреплённая оценка явления, которое обозначено данным словом. Разница в оценках и покажет семантическую дифференциацию понятия. Результаты эксперимента обрабатываются следующим образом: общее количество баллов, приписанных какому-либо языковому объекту, суммируется, но значения могут пред-

ставлять собой дробные величины, поскольку общая сумма баллов, проставленных по какой-либо шкале слову, будет делиться на количество испытуемых.

Итак, результаты обработки данных таковы: плохая – хорошая (-1,67, т.е. плохая), хитрая – наивная (- 0,86, скорее хитрая), жадная – щедрая (- 0,54, скорее жадная), глупая – умная (- 0,6, скорее глупая), чужая – близкая (- 0,81, скорее чужая), злая – добрая (- 1,5, злая), агрессивная – спокойная (- 1,72, агрессивная), лживая – честная (- 1,57, лживая), враг – друг (- 1,47, скорее враг), вспыльчивая – уравновешенная (- 0,96, скорее вспыльчивая), бедная – богатая (- 0,59, скорее бедная), высокомерная – скромная (- 0,78, скорее высокомерная), трусливая – смелая (- 0,36, скорее трусливая), предатель – патриот (- 0,68, скорее предатель), терпеливая – сопротивляющаяся (0, 83, скорее сопротивляющаяся), сильная – слабая (0,41, скорее сильная), рассудительная – безрассудная (-0,61, скорее безрассудная), пьяная – трезвая (-1,69, пьяная).

Результаты методики семантического дифференциала можно увидеть в таблице (Приложение 4).

Приведенные данные подтверждают результаты ассоциативного эксперимента. Здесь, как и в первом случае, преобладают отрицательные оценки образа России. Большинство из них фигурируют и в реакциях ассоциативного эксперимента, и в материалах русскоязычных польских СМИ. К ним относятся такие характеристики, как «Россия предатель», «агрессивная Россия», «лживая Россия», «чужая Россия», «плохая, злая Россия».

Итак, по итогам проведенных экспериментов можно сделать несколько **выводов**: во-первых, анализ и сопоставление методики семантического дифференциала и ассоциативного эксперимента позволяют выявить у представителей большей части польской нации наличие определенных стереотипов о России и русских. Основные характеристики данных образов следующие: «агрессивный», «лживый», «пьяный», «злой», «враг», которые существовали на протяжении практически пяти веков и до сих пор остаются акту-

альными. Сохранение стереотипных образов связано с частым употреблением их в текстах русскоязычных польских СМИ при описании образа России и русского (за исключением стереотипного образа «пьяный русский»). Не подтвердилось наличие в сознании польской нации стереотипа «сильная Россия». Но высокая частотность определенных реакций в экспериментах, например, Путин (43,5%), Катынь (60,4%), Велика Россия, а для правды места нет (22,7 %), агрессивный русский (38,6%), агрессивный (-1,72), лживый (-1,57), плохой (-1,67), злой (-1,5). позволяет говорить о сформированности отрицательного стереотипного образа России и русских в сознании польской нации. Отметим, что большинство характеристик России и русского народа схожи (например, «Россия-агрессор», «агрессивный русский», «Россия-враг», «русский враг» и т. д.) Сложившаяся ситуация, на наш взгляд, связана с действиями СМИ, в которых регулярно транслируются те характеристики, которые и оказались наиболее частотными в ответах респондентов, а часть отрицательных стереотипов о России повлияла на восприятие поляками русского народа в целом. Таким образом, гипотеза верифицирована.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, проанализировав языковой материал (статьи из русскоязычных польских СМИ), а также результаты ассоциативного эксперимента и методики семантического дифференциала, проведенных среди поляков, нами были выделены основные стереотипы поляков о России и русских, которые формируются СМИ с помощью определенных коммуникативных стратегий и тактик.

Для того чтобы прийти к этому итогу, были реализованы поставленные задачи, а именно: изучена теоретическая база исследования; определен объем понятия «стереотип»; выделены основные виды стереотипов; выявлена обусловленность появления у польского народа стереотипов о России историческими событиями; проанализированы основные стереотипы о России, имеющие отражение в устном народном творчестве и польской литературе; выявлены основные и вспомогательные коммуникативные стратегии и тактики, используемые для формирования образа России в русскоязычных польских СМИ; охарактеризованы речевые стратегии и тактики как конкретные способы создания национального стереотипа; рассмотрены результаты ассоциативного эксперимента и методики семантического дифференциала на выявление стереотипов о России и русских среди поляков

Подводя итог работы, можно сказать, что, во-первых, стереотип достаточно широкое понятие, которое включает в себя и социальный аспект, и культурологический, и психологический, и исторический и т.д. В связи с этим выделяются различные виды стереотипов, как, например, автостереотипы, гетеростереотипы, положительные, отрицательные, поверхностные, ложные и т.д. Также стереотип обладает такими свойствами как устойчивость, массовость, постоянность, обусловленность культурой, которые выделяются многими исследователями данного феномена.

Во-вторых, основой причиной появления национальных стереотипов является историческое взаимодействие стран (в нашем исследовании Польши и России). Особо здесь стоит выделить такие события как, например, захватнические войны XVI-XVII века, религиозное противостояние, периоды разделов Польши, национально-освободительная борьба, события Катыни, Вторая мировая война, период вхождения Польши в состав СССР, период «оттепели», которые способствовали формированию тех или иных стереотипов этих народов друг о друге.

В-третьих, следует отметить, что одна из ведущих ролей в сохранении, закреплении или изменении в сознании человека стереотипа о стране или о представителе другой нации отводится устному народному творчеству и литературе. На основе анализа поговорок, пословиц, стихотворений мы можем обнаружить стереотипы о России и русских, берущие свое начало еще с ранних времен, а также проследить трансформацию некоторых стереотипов, в связи с изменившимися тенденциями взаимодействия между странами.

В-четвертых, активную роль в формировании общественного мнения играют средства массовой информации. В связи с этим большое значение имеет целевая установка периодических изданий – путем речевого воздействия приблизить образ мира, сложившийся в сознании адресанта, к образу мира адресата. Данная цель достигается посредством использования определенных коммуникативных стратегий и тактик. Анализ статей показал, что стратегия дискредитации, используемая при описании образа России, является для русскоязычных польских СМИ основной. Реализуется она с помощью тактики обвинения, которая создает негативный стереотипный образ России и русских.

В-пятых, в оценке степени влияния СМИ на сознание польской общественности относительно образа России и русских, большое значения имеют результаты полученных ассоциаций, а также распределение баллов по шкалам, характеризующим степень проявления определенного признака. Полученные данные позволили выявить наличие большого количества стереотип-

ных представлений о России, совпадающими с позицией польских СМИ: «плохая, злая Россия», «Россия-враг», «угроза», «агрессор», «лживая, нечестная страна». Также результаты данных экспериментов показывают, что негативно воспринимается поляками и образ русского человека: «агрессивный русский», «русский-оккупант», «русский-захватчик».

Список литературы

1. Агеев, В. С. Механизмы социального восприятия [Текст] / В. С. Агеев // Психологический журнал. – 1989. – № 2. – С.63-71.
2. Арутюнян, Ю. В. Этносоциология [Текст] / Ю. В. Арутюнян. – М.: Наука, 1999. – 571 с.
3. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – М.: Мысль, 1969. – 608 с.
4. Байбурин, А. К. К проблеме стереотипизации поведения: быт, событие, ритуал [Текст] / А. К. Байбурин // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. – М.: РАН Институт славяноведения и балканистики, 1995. – 165 с.
5. Байбурин, А. К. Этнические стереотипы поведения [Текст] / А. К. Байбурин. – Л.: Просвещение, 1985. – 217 с.
6. Баранова, Т. С. Психологическое исследование социальной идентичности [Текст] / Т. С. Баранова // Социальная идентификация личности. – М: Индрик, 1994. – 435 с.
7. Бартминский, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике [Текст] / Е. Бартминский. – М.: Индрик, 2005. – 512 с.
8. Бердяев, Н. А. Миросозерцание Достоевского [Текст] / Н. А. Бердяев // Николай Бердяев. Философия творчества, культуры и искусства. – М., 1994. – 332 с.
9. Белянин, Е. Н. Психолингвистические аспекты художественного текста [Текст] / Е. Н. Белянин. – М.: Мысль, 1988. – 120 с.
10. Блакар, Р. М. Язык как инструмент социальной власти [Текст] / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987. – С. 88-125
11. Болотоков, В. Х. Этнопсихологические теории в России [Текст] / В. Х. Болотков. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 297 с.

12. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 272 с.
13. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
14. Верещагин, Е. М. Речевые тактики «призыва к откровенности» [Текст] / Е.М. Верещагин // Вопросы языкознания. – 1992. – № 6. – С. 77-84.
15. Вунд, В. Проблемы психологии народов [Текст] / В. Вунд. – СПб.: Питер, 2001. – 341 с.
16. Гуревич, А. Я. Человек и культура: Индивидуальность в истории культуры [Текст] / А. Я. Гуревич. – М.: Флинта, 1990. – 407 с.
17. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции [Текст] / Е. Л. Доценко. – М.: МГУ, 1996. – 334 с.
18. Желтухина, М. Р. Специфика влияния вербалики и невербалики масс-медиа на избирательный процесс [Текст] / М. Р. Желтухина // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков. Человек и его дискурс. – М.: Просвещение, 2003. – 450 с.
19. Зарецкая, Е. Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации [Текст] / Е. Н. Зарецкая. – М.: Дело, 1998. – 480 с.
20. Иванова, Т. В. Ментальность, культура, искусство [Текст] / Т. В. Иванова // Общество, науки и современность. – 2002. – № 6. – С. 168-177.
21. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О. С. Иссерс. – М.: КомКнига, 2006. – 288 с.
22. Иссерс, О. С. Коммуникативный успех как прогнозируемая категория [Текст] / О. С. Иссерс // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000. – С. 293-294.
23. Казаринова, Н. В. Межличностное общение [Текст] / Н. В. Казаринова. – СПб.: Проффессионал, 2001. – 385 с.
24. Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием [Текст] / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо, 2000. – 864 с.

25. Карасик, В. И. О типах дискурса [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. ст. – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 5-19.
26. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 247 с.
27. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.
28. Ключев, Е. В. Риторика [Текст] / Е. В. Ключев. – М.: ПРНОР, 1999. – 272 с.
29. Кобозева, И.М. Лингво-прагматический аспект анализа языка СМИ [Текст] / И. М. Кобозева // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М.: МГУ, 2003. – 460 с.
30. Коваленко, Г. М. Этнопсихологический стереотип [Текст] / Г. М. Коваленко // Этнопсихологические стереотипы в средние века. – М.: Наука, 1990. – 279 с.
31. Кон, И. Психология предрассудка [Текст] / И. Кон // Психология национальной нетерпимости. – Минск: 1998. – С.102-184.
32. Королев, С. И. Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов [Текст] / С. И. Королев. – М.: Просвещение, 1970. – 319 с.
33. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология [Текст] / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
34. Кцоева, Г. У. Опыт эмпирического исследования этнических стереотипов [Текст] / Г. У. Кцоев. – М.: Просвещение, 1986. – 285 с.
35. Культура русской речи [Текст] / под ред. Л. К. Граудиной, Е.Н. Ширяевой. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1998. – 560 с.
36. Лазуткина, Е. М. Коммуникативные цели, речевые стратегии, тактики, приемы [Текст] / Е. М. Лазуткина // Культура русской речи. – М., 2003. – С. 50-79.

37. Липняцкая, Е. Эти странные поляки (Внимание: иностранцы!) [Электронный ресурс] // Либрусек. 2013. URL: librusec.boooooka.ru (дата обращения: 12. 03. 2016).
38. Липпман, У. Общественное мнение [Текст] / У. Липпман. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
39. Лебедева, Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию [Текст] / Н. М. Лебедева. – М.: Издательский центр «Академия», 1999. – 213 с.
40. Лебедева, Н. М. Социальная психология этнических миграций [Текст] / Н. М. Лебедева. – М.: Наука, 1993. – 314 с.
41. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики [Текст] / А. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1997. – 408 с.
42. Марковина, И. Ю., Сорокин Ю. А. Этнопсихолингвистика [Текст] / И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. – М.: ГЭОТАР – Медиа, 2006. – 349 с.
43. Маслова, В. А. Лингвокультурология [Текст] : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208с.
44. Матвеева, Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика [Текст] / Т. В. Матвеева. – М.: Флинта, 2003. – 432 с.
45. Мачеевский, Я. Стереотип России и русских в польской литературе и общественном сознании [Текст] / Я. Мачеевский // Поляки и русские в глазах друг друга. – М.: Индрик, 2000. – С.6-22.
46. Мельникова, В. А. Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века [Текст] / В. А. Мельникова, В. Я Петрухин. – М.: Наука, 1990. – 451 с.
47. Никитина, С. Е. Устная народная культура и языковое сознание [Текст] / С. Е. Никитина. – М.: Просвещение, 1993. – 303 с.
48. Павленко, В. Н. Введение в этническую психологию [Текст] / В. Н. Павленко, С. А. Таглин. – Харьков: Фолио, 1992. – 294 с.

49. Павленко, В. Н. Факторы этнопсихогенеза [Текст] / В. Н. Павленко, С. А. Таглин. – Харьков: Фолио, 1993. – 307 с.
50. Павловская, А. В. Этнические стереотипы в свете межкультурной коммуникации [Текст] / А. В. Павловская. – М.: Просвещение, 1998. – 278 с.
51. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики [Текст] / В. Ф. Петренко. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.
52. Платонов, Ю. П. Этническая социальная психология [Текст] / Ю. П. Платонов, Л. Г. Почебут. – СПб.: Питер, 1993. – 407 с.
53. Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание [Текст] / Сост. А. В. Липатов, И. О. Шайтанов. – М.: Индрик, 2000. – 240 с.
54. Попова, Е. С. Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте [Текст] / Е. С. Попова // Известия Уральского государственного университета. – Екатеринбург, 2002. – № 24. – С.276-288
55. Поршнев, Б. Ф. Противопоставление как компонент этнического самосознания [Текст] / Б. Ф. Поршнев. – М.: Просвещение, 1973. – 275 с.
56. Поршнев, Б. Ф. Принципы социально-этнической психологии [Текст] / Б. Ф. Поршнев. – М.: Просвещение, 1964. – 215 с.
57. Прохоров, Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев [Текст] / Ю. Е. Прохоров. – М.: ЛКИ, 2008. – 224 с.
58. Прохоров, Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение [Текст] / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. – М.: Флинта, 2006. – 328 с.
59. Рогов, Е. И. Психология общения [Текст] / Е. И. Рогов. – М.: Наука, 2001. – 256 с.
60. Рыжова, С. В. Установки этнического самосознания русских [Текст] / С. В. Рыжова // Конфликтная этничность и этнические конфликты. – М.: Аспект Пресс, 1994. – С.54-122.
61. Савицкий, Б. М. Происхождение и развитие русских пословиц [Текст] / Б. М. Савицкий. – М., Флинта, 1992. – 251 с.

62. Садохин, А. П. Межкультурная коммуникация [Текст] / А. П. Садохин. – М.: Альфа-М, 2006. – 281 с.
63. Семашко, Т. Ф. Стереотип как фрагмент языковой картины мира [Электронный ресурс] // Грамота. 2014. URL: <http://www.gramota.net>. (дата обращения 2. 02. 2014).
64. Сергеева, А. В. Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность [Текст] / А. В. Сергеева. – М.: Флинта, 2006. – 313с.
65. Солдатова, Г. У. Психология межнациональной напряженности [Текст] / Г. У. Солдатова. – М.: Наука, 1998. – 386 с.
66. Сорокин, Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста [Текст] / Ю. А. Сорокин. – М.: Наука, 1985. – 168 с.
67. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие [Текст] / И. А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 252 с.
68. Стернин, И. А. Национальное коммуникативное сознание как предмет исследования [Текст] / И. А. Стернин // Русский язык, как иностранный. Теория. Исследования. Практика. – СПб.: Наука, 2003. – С.150-170.
69. Стефаненко, Т. Г. Социально-психологические аспекты изучения этнической идентичности [Текст] / Т. Г. Стефаненко. – М.: Наука, 1999. – 301 с.
70. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация [Текст] / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Наука, 2000. – 624 с.
71. Толстой, Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике [Текст] / Н. И. Толстой. – М.: Наука, 1995. – 364 с.
72. Томахин, Г. Д. Фоновые знания как основной предмет лингвострановедения [Текст] / Г. Д. Томахин. – СПб.: Питер, 1980. – 352 с.
73. Трусов, В. П. Этническая психология [Текст] / В. П. Трусов, А. С. Филиппов. – М.: Академия, 1984. – 296 с.
74. Уфимцева, Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность [Текст] / Н. В. Уфимцева. – М.: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.

75. Фалькович, С. Восприятие русскими польского национального характера и создание национального стереотипа поляка [Текст] / С. Фалькович // Поляки и русские в глазах друг друга. – М.: Индрик, 2000. – С.45-72.
76. Филиппова, М. М. Парадоксы и стереотипы межкультурного общения [Текст] / М. М. Филиппова. – М.: Вестник МГУ, 2002. – 500 с.
77. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие [Текст] / А.П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.
78. Чудинов, А. П. Практическая риторика [Текст] / А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2000. – 91 с.
79. Швед, В. Тайны Катини [Электронный ресурс] // История взаимоотношений Польши и России. 2013. URL: http://www.zlev.ru/109/109_34.htm. (дата обращения: 12. 03. 2013).
80. Шихирев, П. П. Современная социальная психология [Текст] / П. П. Шихирев. – М.: Мысль, 1999. – 499 с.
81. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию [Текст] / У. Эко. – М.: «Петрополис», 1998. – 432 с.
82. Юнусов, Ф. Г. Идеи, образы, символы русской литературы [Текст] / Ф. Г. Юнусов. – М.: Индрик, 1982. – 238 с.
83. Ярославский, П. В. Пословицы и поговорки [Текст] / П. В. Ярославский. – М.: Флинта, 2006. – 314 с.
84. Bausinger, Hermann. Stereotypie und Wirklichkeit. In: Jahrbuch «Deutsch als Fremdsprache», 1988, Bd. 14, S. 157-170.
85. Chilton, P. A. Politics and Language // The Encyclopedia of Language and Linguistics / Ed. R.E. Asher. Oxford; New York: Pergamon Press, 1994. P.3214-3221
86. Grice, H. Paul. Logic and Conversation. William James Lectures / H. P. Grice. 1967/1989. -P.3 - 143.
87. Jowett, G. S., O'Donnell, V. Propaganda and Persuasion / G.S. Jowett, V. O'Donnell. London: Sage, 2006.
88. Lippman, W. Public Opinion. New York: Macmillan, 1922. 23 8 p.

89. Quasthoff, Uta M. Ethnozentrische Verarbeitung von Informationen: Zur Ambivalenz; der Funktionen von Stereotypen in der interkulturellen Kommunikation. In: Matusche, Petra (ed): Wie verstehen wir Fremdes? München: Goethe-Institut, 1989. S. 37-62.
90. Quasthoff, U. Soziales Vorurteil und Kommunikation: Eine sprachwissenschaftliche Analyse des Stereotyps. — Frankfurt a/Main: Athenäum-Verl, 1973. 145 S.
91. Riker, W. H. The art of political manipulation / W.H. Riker. Yale, New Haven, 1986.
92. Rudinow, J. Manipulation / J. Rudinow // Ethics. 1978. - Vol. 88. - P. 338—347.
93. Van Dijk, T.A. Ideology: A Multidisciplinary Approach / T. A. van Dijk. -London: Sage. 1998.
94. Yokoyama, O. T. Lexical frequency and its implications: the case of contemporary edited Russian / O. T. Yokohama // Slavic and East European Journal. — 1986. — V. 30. — C. 149.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Период	Причина появления стереотипа	Характер стереотипа	Стереотип
Конец XVI века	Русские в сознании поляков отграничились от украинцев и стали восприниматься как отдельный народ, а Россия – как отдельная страна	нейтральный	Начало формирования стереотипа о России. Русских стали называть «Moskwicini» или «Moskale» («моска-ли»).
XVI в.	Войны; соперничество Польши и Московского государства	отрицательный	Образ невольного, несвободного русского. Покорный русский
	Религиозные различия	отрицательный	Чужие русские, чужая Россия
XVI-XVII вв.	Климатические условия	отрицательный	Суровый народ Севера.
	Смута	нейтральный	Огромная, богатая страна.
		отрицательный	Россия – страна с более низкой культурой

		отрицательный	Пьющая, невежественная страна, русские-пьяницы
Вторая половина XVIII в.	Войны за территорию, разделы Польши.	отрицательный	Россия-враг, обидчик, захватчик
	Общие славянские корни	положительный	Русский-брат, Россия – дружественная страна
XIX в.	Получение большого числа свобод для поляков, находящихся под русской властью	положительный	Образ русского наполняется светлыми оттенками, исчезает однозначно отрицательное отношение к русским и к России
	Поправление конституции, русификация поляков	отрицательный	Россия-враг, притеснитель
	Некоторые поляки оказались сосланы вглубь России, и им пришлось налаживать контакты с русскими	положительный	Россия-друг

XX в.	Революции 1905 и 1907 гг.	положительный	Россия-друг, исчез стереотип России-обидчика
	Начало Второй мировой войны, Катынь.	отрицательный	Россия-враг, захватчик
	Деятельность польских русистов	положительный	Образ русских, также страдающих от коммунистов, как и поляки

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Стереотип	Характер стереотипа	Пример
Русский-глупец, русский-неудачник	отрицательный	<p>Анекдот:</p> <p>Поляк, немец и русский участвуют в конкурсе по забиванию гвоздей головой. Немец начинает первым: первый удар, второй, третий — гвоздь забит. Поляк бьет раз, два — гвоздь забит. Наконец приступает русский: один удар — гвоздь забит. Объявляют результаты. Немец занял второе место, поляк — первое, русский дисквалифицирован, потому что забил гвоздь не тем концом.</p>
Россия-враг, поработитель	отрицательный	<p>Анекдоты:</p> <p>1) Россияне подарили полякам миллион бутылок шампанского на встречу 1982 года. Уговор был один: каждая бутылка подавалась официантом в военном мундире.</p> <p>2) Выборы в 50-х годах. На стене висит портрет Сталина. Приходит старая бабка.</p> <p>– О! Пилсудский!</p>

		<p>– Это не Пилсудский, товарищ, а Иосиф Виссарионович Сталин.</p> <p>– А что такого сделал этот Сталин?</p> <p>– Он выгнал немцев из Польши.</p> <p>– Вот это хорошо. Даст бог, он выгонит и русских.</p>
Россия – страна-оккупант, захватчик	отрицательный	<p>Стихотворение Збигнева Херберта «17 сентября»:</p> <p>Мой край беззащитный тебя, оккупант, с честью примет, И сажень земли даст под вербой тебе — и покой, Чтоб те, кто придут после нас, затвердили урок Прощенья — искусства, должно быть, сложнейшего в мире.</p>
Чужая, далекая Россия	отрицательный	<p>Адам Мицкевич поэма «Дзяды»:</p> <p>Чужая, глухая, нагая страна Бела, как пустая страница, она. <...> Как зверь, как природа полочных краев, Тут каждый и свеж, и силен, и</p>

		<p>здоров.</p> <p>И только их лица подобны доныне Земле их — пустынной и дикой равнине.</p>
Жестокий, северный русский народ	отрицательный	<p>Самуэль Твардовский поэма «Владислав IV»</p> <p>Есть на Севере народ огромный, живущий просторно, Его не ограничивает, кажется, Даже ледовитое море, там утренние зори Поздно восходят, а дальше земли безлюдные. Посмотришь на его лицо: непривлекательное и грубое. Старый это, однако, народ, который больше известен Своей жестокостью, чем другие народы, и живет на своей земле Испокон века, и имеет сильную армию.</p>
Русский-иноверец	отрицательный	<p>Ян Кохановский «Песня победная»:</p> <p>Москва и Польша из единой колыбели, И мы славяне, и они славяне, Но разница в религии нас делит,</p>

		Что братьев перессорить в состоянии.
Россия-враг	отрицательный	Райнольд Суходольский в «Полонезе»: Кто сказал, что москали — Это братья нам, лехитам, Первым в лоб тому пальну я Пред костелом Кармелитов.
Русский-пьяница	отрицательный	Бенедикт Хмелевский «Новые Афины или полная Академия всяческих наук...»: «Слова своего не держат, к пьянству склонны»

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Анкета:

1. Дайте не больше трех ассоциаций к слову «Россия».
2. Напишите известные вам пословицы, поговорки, устойчивые выражения или анекдоты, в которых присутствует образ русского(их).
3. Какие литературные персонажи-русские вам известны.
4. О каких исторических событиях, связанных с Россией и Польшей, вы помните.
5. Напишите несколько словосочетаний со словом «русский(ие)».

В ядро ассоциативного поля первого задания представленного эксперимента вошел ответ «Путин». Так ответили 44 поляка.

В зону ближней периферии попали следующие реакции: Кремль (33) Украина (31), Крым (28), Катынь (28), угроза (25), алкоголь (24), война (20), агрессор (20), Смоленск (19). При этом нужно отметить, что в случае с Катынью были даны разные варианты обозначения реакции: Катныский геноцид (8), Катынское преступление (4), расстрел поляков в Катыни (2), русские убили поляков в Катыни (1), которые следует отнести к менее частотным реакциям.

К зоне дальней периферии следует отнести следующие реакции на стимул «Россия»: враг (11), санкции (10), война в Сирии (10), катастрофа (10), оккупация (10), обман (10), кровь (9), варвары (9), Трамп (9), опасность (8), разделы Польши (8), предатель (7), русские (7), пьяницы (6), бедность (6), Москва (5), водка (5), русский язык (5), Достоевский (4), огромная страна (4), друг (2). Единичные реакции: Пушкин, грязь, миллион, Красная площадь, фотография, Сибирь, матрешка, Чайковский, пустота, деревня, революция, яблоко, Волга, черный, новости, курорт, шуба, оливье, карта, МГУ, стена, Николай II, атомная бомба, дура, москаль, снег, Китай, Лавров, салют, лес,

Санкт-Петербург, точка, Первая мировая война, деньги, газ, танк, Иван, надоела, большая, тыква, лапти, православная страна, богатство, много, ложь, боль, хозяйство, глупые люди, самолет, история, болото, высота, валенки, кедр, жестокость, плен, стрелять, США, лед, оружие.

В ядро ассоциативного поля поговорок, пословиц, анекдотов вошла пословица «Велика Россия, а для правды места нет» с частотностью 23.

В зоне ближней периферии: «Должен – это на Руси, а в Польше кто как хочет» (11), «Русский обнял поляка железными руками» (10).

В зоне дальней периферии: поговорка «Россия – это состояние души» (4); анекдот: «С кем граничит Россия? – С кем хочет» (1).

Среди русских литературных персонажей наиболее часто указывалась героиня романа Л. Н. Толстого Анна Каренина (49). Этот ответ попал в ядро данного ассоциативного поля.

В зоне ближней периферии оказались: Родион Раскольников из произведения Достоевского «Преступление и наказание» (40), главный герой романа Пушкина «Евгений Онегин» (30), Андрей Болконский из произведения Л. Н. Толстого «Война и мир» (26), князь Мышкин из произведения Достоевского «Идиот» (24), Алексей Карамазов из «Братьев Карамазовых» (24).

В зону дальней периферии оказались следующие литературные герои: Наташа Ростова из «Войны и мира» Толстого (10), главная героиня пьесы «Вишневый сад» Любовь Раневская (8) Татьяна Ларина из «Евгения Онегина» (5), главный герой поэмы «Мертвые души» Чичиков (4), Евгений Базаров, герой романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» (4).

Самый частотный ответ на вопрос о событиях, связывающих историю Польши с историей России – Катынь. И в данном случае, как в первом вопросе эксперимента, были даны разные характеристики этого события: Катынский расстрел, Катынское преступление, Катынь, поляки были расстреляны русскими в Катыне, геноцид в Катыни, расстрел в Катыни, жестокое убийство поляков в Катыни, Катынское злодеяние. Данное историческое событие указали в своих анкетах 61 человек.

В зону ближней периферии попали следующие события: разделы территории Речи Посполитой (48), Варшавская битва (45), Вторая мировая война (43), захват Москвы поляками (39), введение коммунизма в Польше (32), война (31).

В зону дальней периферии вошли: Польское восстание (10), введение санкций (5), Освенцим (4), борьба с русскими захватчиками (4), Иван Сусанин (4), русско-польские войны (4), приход на престол Лжедмитрия (2), во времена СССР Поляки были убиты, избиты, убиты Россией (1), все события драматичны и печальны для Польши (1), связь поляков с Древней Русью (1), убийства поляков (1).

В последнем вопросе ассоциативного эксперимента наиболее часто встречалось словосочетание «агрессивный русский» (39).

В зону ближней периферии, достаточно близкой в количественном плане к ядру данного ассоциативного поля вошли следующие словосочетания: пьющий русский с частотностью (30), русские завоеватели (30), русские воюют (27), русские захватчики (25), глупые русские (24), русские оккупанты (23), наглые русские (20), русская зима (20), хитрый русский (19), русское оружие (18), вторжение русских (16).

В зоне дальней периферии: русские туристы (12), злой русский (10), грубый русский (8), русские лентяи (8), русская еда (6), российский жулик (6), русская беднота (5), русские лезут куда не надо (5), русская душа (4), русская политика (3), от русских одни проблемы (2), русский мат (2), веселые русские (1), русский Иван-дурак (1), русская народная песня (1), русский колодец, пусть каждый русский «свалит» из нашей страны (1), русские бесят (1), русские вверглись в Украину (1), в России много пьют (1), русские шумно отдыхают (1), русская литературная классика (1), русская рыбалка (1), русские любят воевать (1), русский солдат (1), русские ведут себя подло (1).

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Инструкция: выберите характеристику, присущую, по вашему мнению, России, определите степень ее проявления по баллам, например - 2 – «Россия плохая», -1 – «Россия скорее плохая», 0 – «Россия не плохая и не хорошая», 1 – «Россия скорее хорошая», 2 – «Россия хорошая».

Анкета:

Россия:						Россия:
плохая	-2	-1	0	1	2	хорошая
хитрая	-2	-1	0	1	2	наивная
жадная	-2	-1	0	1	2	щедрая
глупая	-2	-1	0	1	2	умная
чужая	-2	-1	0	1	2	близкая
злая	-2	-1	0	1	2	добрая
агрессивная	-2	-1	0	1	2	спокойная
лживая	-2	-1	0	1	2	честная
враг	-2	-1	0	1	2	друг
вспыльчивая	-2	-1	0	1	2	уравновешенная
грубая	-2	-1	0	1	2	нежная
бедная	-2	-1	0	1	2	богатая
высокомерная	-2	-1	0	1	2	скромная
трусливая	-2	-1	0	1	2	смелая
предатель	-2	-1	0	1	2	патриот
терпеливая	-2	-1	0	1	2	сопротивляющаяся
сильная	-2	-1	0	1	2	слабая
рассудительная	-2	-1	0	1	2	безрассудная
пьяная	-2	-1	0	1	2	трезвая

Результаты:

Шкалы (полярные понятия к слову «Россия»)	Результаты обработки данных
плохая – хорошая	- 1,67
хитрая – наивная	- 0,86
жадная – щедрая	- 0,54
глупая – умная	- 0,6
чужая – близкая	- 0,81
злая – добрая	- 1,5
агрессивная – спокойная	- 1,72
лживая – честная	- 1,57
враг – друг	- 1,47
вспыльчивая – уравновешенная	- 0,96
бедная – богатая	- 0,39
высокомерная – скромная	- 0,78
трусливая – смелая	- 0,36
предатель – патриот	- 0,64
терпеливая – сопротивляющаяся	0,83
сильная – слабая	0,41
рассудительная – безрассудная	- 0,61
пьяная – трезвая	- 1,69